

**Библиотека
психоанализа**

И **НЦЕСТЫ**

**Жак
Андре**

**Анни
Бир**

**Моник
Бидловски**

**Моник
Курню-Жанэн**

**Андре
Грин**

**Франсуаза
Эритье**

**Натали
Зальцман**

**Библиотека
психонализа**

ИНЦЕСТЫ

SOUS LA DIRECTION
DE JACQUES ANDRÉ

INCESTES

PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЖАКА АНДРЕ

ИНЦЕСТЫ

Перевод с французского

Москва
КОГИТО-ЦЕНТР
2017

УДК 159.9

ББК 88

И 74

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Перевод с французского

Е. Давид, Г. Рошкэню

Научный редактор

кандидат медицинских наук *Л. И. Фусу*

Авторы

Жак Андре

Анни Бир

Моник Бидловски

Моник Курню-Жанэн

Андре Грин

Франсуаза Эритье

Натали Зальцман

И 74 Инцесты / Под ред. Ж. Андре. Пер. с фр. – М.: Когито-Центр, 2017. – 158 с. (Библиотека психоанализа)

ISBN 2-13-051921-0 (фр.)

УДК 159.9

ISBN 978-5-89353-503-7 (рус.)

ББК 88

В книге собраны выступления ведущих французских психоаналитиков и социологов на семинаре, посвященном проблеме инцеста. Основное внимание уделено определению инцеста в правовом, культурно-историческом и этническом аспектах. Обсуждаются разнообразные формы инцеста, критерии его выделения и его влияние на развитие индивида.

В оформлении использованы рисунки первого российского психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленные его дочерью М. И. Давыдовой

© Presses Universitaires de France, 2001

© Когито-Центр, 2017

ISBN 2-13-051921-0 (фр.)

ISBN 978-5-89353-503-7 (рус.)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ЛОЖЕ ИОКАСТЫ	9
<i>Жак Андре</i>	
ОТНОШЕНИЕ «МАТЬ–ДИТЯ», НЕСОМНЕННО, ИНЦЕСТУОЗНОЕ	31
<i>Андре Грин</i>	
ПРОБЛЕМАТИКА ИНЦЕСТУОЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В КЛИНИКЕ ЖЕНСКОЙ ФИЛИАЦИИ	44
<i>Моник Бидловски</i>	
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНЦЕСТ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ПОНЯТИЕМ?	61
<i>Натали Зальцман</i>	
ФОРМЫ ИНЦЕСТА. ИСТОРИЯ И ПРЕДЫСТОРИЯ.	80
<i>Моник Курню-Жанэн</i>	
ИНЦЕСТ И ВЕЩЕСТВА. ЭДИП, АЛЛЕН, ДРУГИЕ И МЫ . . .	97
<i>Франсуаза Эритье</i>	
УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТАЙНЕ ДЕТОУБИЙСТВА	142
<i>Анни Биро</i>	

ОТ РЕДАКТОРА

В книгу включены доклады, которые были сделаны в рамках моего семинара (Сент-Анн, 1998–1999).

В соответствии с предложениями участников тексты докладов были отредактированы и в какой-то степени переработаны.

Жак Андре

ВВЕДЕНИЕ

ЛОЖЕ ИОКАСТЫ

Жак Андре

Иокаста говорит Эдипу: «Не опасайся гимена матери: многие смертные в своих снах уже не раз делили постель со своей матерью. Кто придает меньше значения таким вещам, тот легче проживает свою жизнь».

Dhe krwa dhe raiba Zi tao hin... Об этом говорят на всех языках и на все лады, включая и китайскую народность На, живущую на границе с Гималаями: «Не совокупаются с теми, с которыми едят из одной чаши и из одной тарелки», – нередко правила приема пищи являются одновременно и правилами поведения в постели, и наоборот. Почему нам следует знать традиции народности На? Потому что те, кто следуют их правилам, считаются с ограничениями, связанными с браком, не позволяют ни женщинам, ни мужчинам беспорядочно наносить ночные и тайные визиты, демонстрируют такую же непримиримость к инцесту, как и самые цивилизованные общества¹.

Универсальный, как и все явления природы, человеческий запрет на инцест является «основополагающим, означающим завершение перехода от Природы

1 Cai Hua, *Une société sans père ni mari: les Nade Chine*, PUF, 1997. Традиции народности На, описанные в диссертации Cai Hua, стали с тех пор предметом частых споров, особенно когда речь идет об отце (Chuan-Kang Shih. *L'Homme, numéro spécial: Question de parenté*, 2000).

к Культуре». Эти известные слова Леви-Стросса, высказанные им в труде «Элементарные структуры родства» (1949), оставили глубокий след, хотя их торжественность со временем немного поубавилась, прежде всего, потому, что противопоставление Природа/Культура частично утратило свою важность. Природа не является той первичной средой, откуда будто бы появились люди; вероятно, понятие «природа» в неолите¹ само по себе уже было понятием культурным. И даже в тех случаях, когда это понятие претендует на постижение другой реальности, кроме человеческой, репрезентациям, из которых оно состоит, никогда не удастся отделиться от порождающего их восприятия. Когда речь идет об инцесте, картина животного («естественного, натурального») беспорядочно совокупления, которую Леви-Стросс противопоставляет человеческому устройству, сегодня не кажется нам сильно отличной от того, что изображают ранние мифы былых обществ, хорошо исследованных антропологией, в которых кровосмешение является правилом.

Сообщества обезьян, писал он, не придерживаются никакой «нормы», а их сексуальность сводится лишь к «связям, оставленным на произвол случайности».

После полувека этологических исследований животные уже не воспринимаются нами такими, как когда-то: не только обезьяны, но и остальные млекопитающие, даже гуси, во всяком случае гуси Лоренца. Рай животной любви, свободной от любого принуждения, был заменен на почти противоположную репрезентацию: систематически отвергаемый «инцест», его запрограммированное избегание, где трудно отличить генетическое

1 Ср.: Jean Pouillon, *Manières de table, manières de lit, manières de langage*, in *Nouvelle Revue de psychanalyse*, Gallimard, N° 6, 1972. Мои заимствования из этой статьи превышают простое цитирование. – *Прим. авт.*

от импринтинга. Любопытно, что разрыв между людьми и животными сохраняется, но тем не менее смещается. Картина беспорядочного спаривания животных изменилась от «везде и всегда» к «никогда и нигде»; иногда все же встречается животное, которое отходит от видоспецифического поведения, но в мире животных это не является *преступлением*. И, наоборот, в человеческих обществах инцест везде запрещен и в то же время *постоянно и везде совершается* в том или ином виде. Пропась между человеком и животным сохранилась, изменился лишь ее вид.

То, что Леви-Стросс сформулировал в области антропологии, Лакан внес в область психоанализа: «Наиважнейшим является закон, регулирующий связи, накладывающий правила культуры на законы природы/природы и распространяющийся, в частности, и на правила совокупления»¹. Можно с уверенностью сказать, что изучение воздействия этого закона на теорию и практику психоанализа еще не закончилось², потому что оно вопреки фрейдовской идее указывает на несоответствие бессознательного, которым оперирует антрополог, с тем бессознательным, с которым сталкивается

1 *Fonction du champ de la parole et du langage*, in *Ecrits*, Seuil, 1966, p. 277.

2 Карикатурный пример: Франсуаза Дольто, какой бы ни была ее аналитическая интуиция, была убеждена, что в любой детской психотерапии необходимо найти случай и возможность озвучить ребенку запрет на инцест, ставший в то время важной частью нового свода психоаналитического Закона. Менее анекдотичным является изменение техники лечения: извлечение и возвращение вытесненного, по Фрейду, доступ к символическому, по Лакану. Аналитик-толкователь, дающий частые интерпретации, идущий по стопам Фрейда, молчаливый аналитик, играющий роль «я есть тот, кто я есть», продолжатель идей Лакана.

психоанализ: «Не странно ли, – пишет Лакан, – что некий Леви-Стросс полностью захватывает территорию, на которой, согласно Фрейдю, царствует бессознательное, настаивая, что структура языка и часть социальных законов регулируют связи и филлиацию?»¹. Не возвращаясь к недавним дискуссиям², в контексте проблематики инцеста достаточно лишь указать на продолжающиеся попытки подчинить аналитическую точку зрения взглядам социальной антропологии.

Либо мы трактуем инцест в терминах закона, следуя его определению в словаре Литтре: «Незаконное соединение родственных или породненных лиц в выходящей за рамки закона степени», либо, согласно Роберу, в терминах телесного контакта: «Сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, являющихся родственниками или породненных в степени, запрещающей брак».

В каждой из этих двух ситуаций речь идет о *взрослых*, для которых «сексуальный» означает «генитальный» и которых объединяет нарушение запрета.

Для антропологической точки зрения центрация на взрослых не является недостатком, скорее, это необходимость, продиктованная самой природой предмета исследования: связей и отношений. Сложность возникает лишь когда психоаналитик думает, что он без всякого вреда может ввести символический план, регулирующий обмен (слов, женщин, благ), в лоно своих компетенций, где «сексуальное» диссоциируется от «взрослого» и «генитального» и даже от *запрета*. Нет никакого сомнения, что препятствия и всякого рода цензура, способствующие процессу вытеснения, принима-

1 *Ecrits*, p. 285.

2 Ср.: J. Andre. *Violences oedipiennes*, in *Revue française de psychanalyse*, N° 1, 2001.

ют участие в формировании бессознательного. Является ли это его основным источником? Или же следует признать, что бессознательное формируется безграничной инфантильной сексуальностью, усилиями, которые прилагаются для ее психической проработки, экономической необходимостью психического аппарата расщеплять и благодаря этому как бы удерживать в стороне эксцесс ярости и насильственности фантазмов, а также признать, что бессознательное формируется также и под угрозой распада, исходящей от воображаемого? Психозы редко возникают из-за запрета (или из-за его нарушения), чаще, наоборот, из-за его отсутствия, достаточно вспомнить психиатрические случаи, упомянутые Андре Грином.

При рассуждениях об инцесте одна из основных трудностей для теории психоанализа состоит, безусловно, в навязанной антропологией ассоциации инцеста с запретом на него: будто бы связь является инцестуозной только из-за запрета, с которым она сталкивается.

Пока мы рассуждаем, отталкиваясь от эдиповых желаний и преград, с которыми они сталкиваются, все, казалось бы, просто, но это, скорее, иллюзия. Но как только мы выходим за эти рамки, следует ли говорить, как Лакан, что мы направляемся к «немыслимому»? Если же мы захотим исследовать, услышать и увидеть это «немыслимое», тогда мы сможем понять его как что-то составляющее суть психоанализа, его теории и практики, а не его отвергнутую часть.

«Психический инцест игнорирует запрет», – пишет Ж.-Б. Понталис¹. Эта формулировка, которая, в частности, касается семантического смещения понятия инцеста, указывает на невозможность смягчения, ка-

1 In *Fenêtres*, Gallimard, 2000, p. 135.

муфляжа сложности. Имеет ли в психоанализе понятие «инцест» только лишь метафорическое значение? Прежде чем процитировать отрывок из «Федры» Расина, полезно обратиться к словарю Робера, в котором автор, дав определение инцеста, позже добавил: «преувеличенная, инцестуозная любовь». Мы можем согласиться, что это «преувеличение» обозначает вход в психоаналитическую область. Человек, или, точнее, инфантильная сексуальность, *преувеличивает* сексуальность!

Сотрудничество, даже, можно сказать, соучастие Лакана и Леви-Стросса в становлении структурализма привело к тому, что, по крайней мере, во Франции в психоанализе стали делать упор на взаимосвязи между инцестом, запретом на него и символическим планом. Но для Фрейда и для нас, его последователей, такой подход связывается не столько с самим комплексом Эдипа, сколько с его «катастрофой» в том смысле, о котором пишет Расин во введении к пьесе «Феваида», где он трактует разрешение основного конфликта трагедии. Установление символического регистра и его правил, даже если он в прямом и переносном смысле подчиняется развитию ребенка в период перехода из дошкольного возраста в школьный, закрывает главу инфантильной сексуальности. А точнее, инфантильная сексуальность модифицируется, что приводит к ее различным искаженным проявлениям – от отдельных симптомов к творческой продукции, проходя при этом через полную дестабилизацию сексуальности, а именно ее конечных инстинктивных целей. Другими словами, психоаналитический подход к проблематике инцеста, опирающийся на примат символического плана, в конечном итоге отсылает к зоне второстепенного, к тому, что является сутью инфантильной сексуальности, а именно к силе воображаемого (его психической насильственности), к созданию

фантазма (который становится «инцестуозным» из-за запрета, пытающегося его ограничить), а также к тревоге и удовольствию, которыми он питается.

Подход к вопросу об инцесте через воображаемое открывает широкий диалог между психоанализом и антропологией, особенно когда антропология пытается вновь внести ясность там, где доминировал лишь формализм структуры. Изменение этой точки зрения, предложенное Франсуазой Эритье, наполнено страстью, потому что она вновь помещает в центр проблематики инцеста фантаматику тела и его субстанций, а также потому, что она находит вновь тревожащую странность, предлагая неожиданную пару «мать–дочь», чисто женскую и гомосексуальную пару, которую она назвала «инцестом второго типа», обозначив новую парадигму инцеста.

Так же как перенос является повторением чего-то никогда не существовавшего, так и миф рассказывает о том, что никогда не происходило. В царствах, о которых говорит Монтень, «где прекрасно можно зачать детей с матерью, а отцам совокупляться с дочерьми и сыновьями», жители вели такой же образ жизни, как и обезьяны Леви-Стросса: фантазматический. Запрет на инцест мешает реализации генерализованного промискуитета, его «реальность» остается лишь его психической реальностью. Никким образом не приуменьшая проблематику инцеста, свобода воображаемого лишь означает отсутствие его меры. Степени преступления, а также меры наказания. Не только для «Федры» «inceste» (*кровосмешение*) рифмуется с «funeste» (*поковой*). Во все времена происшествия в Космосе, катастрофы (особенно они) в первую очередь находили объяснение в *in cestus*. Засуха, наводнения, голод, смерть домашних животных, болезни, рождение чудовищных или дегенеративных детей (монстры, уроды)... – таковы лишь некоторые

из возможных тяжелых последствий инцеста, отмеченные или предсказанные мифом или фантазмом. По крайней мере, пока не начнет расти щетина на лице, стирая расстояние между человеком и животным. Так народность На сформулировала свои верования.

* * *

Сцена из психоаналитической жизни... Я одолжил этот случай у одной из своих коллег. Однажды ее пациент с непривычной для него самого нетерпеливостью ждал начала своего сеанса. Он готов был решиться на следующий шаг: подать заявление о принятии его в психоаналитическое общество. Находясь еще дома, он ждал момента выхода из своей квартиры без каких-либо видимых намеков на нетерпение, спокойно читая газету. В какой-то момент, посмотрев на часы, он понимает, что может опоздать. Ах, только бы не сегодня!.. На бешеной скорости он спускается по лестнице, влетает в метро, садится в вагон и пытается опять читать газету. Перед закрытием дверей поезда, когда состав готов был уже тронуться, перед его глазами промелькнуло название станции, где ему нужно было выйти. Что делать? Перед ним встал выбор. Проехать назад одну станцию или добраться до дома психоаналитика бегом? Он выбирает второе. Еле дыша, набирает код входной двери, входит в приемную, садится, как всегда, и ждет. Проходит минута, очень долгая... Может, он забыл нажать на кнопку, извещающую о приходе нового посетителя? Он открывает дверь, проверяет. Все в порядке. Проходят еще минуты, ему казалось – целая вечность. Но что она делает? Нетерпение, еле сдерживаемая нервозность и возбуждение – все смешалось. Он опять открывает дверь и с грохотом ее закрывает. Кто-то пришел! Встревоченная всем этим шумом, который развеял свободно

плавающее внимание аналитика и свободную ассоциацию лежащего на кушетке пациента, психоаналитик решает посмотреть, что там происходит. Она открывает дверь приемной и обнаруживает сидящего в кресле с оторопевшим видом пациента, который должен был явиться к 18 часам; она говорит ему: «Но вы пришли на полчаса раньше...»

Инфантильная сексуальность всегда проявляется неуместно, заявляя о себе очень рано. Нетерпение, достигающее до срыва, бессилие, переходящее в отчаяние... Даже если эта маленькая сценка не является первосценной, то очень ее напоминает. У инцестуозного желания тысяча и одна участь; одну из них демонстрирует аналитик, который в своем стремлении стать психоаналитиком превращает кушетку в ложе Иокасты. Инфантилизм этого момента, свидетелями которого мы являемся, когда герой дня готов на все, чтобы завоевать свое место, ничем не отличается от торжествующей гордости Арпада, маленького человека-петуха Ференци. С уверенностью ни в чем не сомневающегося человека он заявляет своей соседке: «Я женюсь на тебе, на тебе и на твоей сестре, на трех двоюродных сестрах и на кухарке... Нет, не на кухарке, скорее всего, на матери». Этим все сказано: печатью первичного объекта любви, обязательно инцестуозного и недостижимого для обладания, отмечено множество замещающих этот первичный объект фигур.

Психоанализ трактует универсальность запрета на инцест по-своему: зачем запрещать нежелаемое? Запрет применяется только к желаемому. Фрэнгер, автор книг «Золотая ветвь» и «Тотемизм и экзогамия», отмечал: универсальный запрет ведет к такому же универсальному обобщению инцестуозной потребности. Если «выбор» любого сексуального объекта является наследником инфантильной сексуальности, если каждый объ-

ект взрослой сексуальности несет на себе отпечаток первых объектов детства, тогда инцестуозное измерение является имманентным сексуальной жизни вообще. Инцестуозное измерение подпитывает (или нарушает) желание либо вынуждает применить запрет. Таким образом, первые объекты любви становятся объектами вины. «Запрещено любить именно тех, кого природа побуждает любить больше всего», и это вызывает отчаяние у многих людей, в частности, у маркиза де Сада.

Любовь к объекту – это потерянная любовь, целой жизни не хватит, чтобы попытаться вновь обрести ее. Одно из первых и основополагающих открытий психоанализа состоит в обнаружении в образе актуального объекта любви общих черт с первой любовью, какими бы отдаленными они ни казались. Так говорил Фрейд. Вспомним два примера, воспроизведенных/сконструированных в один и тот же период, в начале 1910 года.

Первый касается одного из представителей мужской гомосексуальности в целом, но одной из тех фигур, которые делают выбор эфеба и о которых пишет Фрейд в «Воспоминании детства Леонардо да Винчи». Между точкой отправления и конечной точкой любовного пути появляется сложный механизм зеркал, допускающий игру отражений и инверсию роли вплоть до тотального смешения. Полюбить молодого человека, который отражает влюбленного таким, каким он помнит себя в детстве, любимым своей матерью. Непрерывная любовь между матерью и сыном путем инверсии позиций, инверсии, разрешенной бессознательной идентификацией и нарциссической зеркальностью, пишет «Портрет Дориана Грея». Здесь мы видим, как из-за феномена сгущения идентификация может конденсировать идентичное и противоположное. С одной стороны, она обеспечивает постоянство первой формы любви, а с другой, участвует

в вытеснении, отодвигая слишком инцестуозный объект. Женщины уходят из этой любовной жизни, только лишь когда одна из них навсегда завоевала свое место.

Бесспорно, сегодня мы подвержены искушению усложнять фрейдовский анализ. Речь не идет уже только лишь о фигуре нежной, чувственной матери. Она дублируется примитивной, бесцеремонной, даже преследующей тенью, чья гомосексуальная «чувственность», так легко задеваемая/ранимая словами другого, является лишь самым явным ее проявлением. *Нотос*-сексуальность не рассматривается как недооценка инаковости, а скорее, наоборот, как ее чрезмерное признание.

Второй пример находится на другом полюсе широкого спектра мужской сексуальности: мужчина, обладающий женщинами, несколькими женщинами. По крайней мере, двумя – женой и дамой сердца, как было принято говорить в начале XX века, во времена Фрейда. Речь идет не столько о количестве женщин, о которых говорится в этом примере, сколько об упоминании своеобразной ситуации, в которой происходит то, что мы называем «самым распространенным унижением». Несомненно, частная жизнь и общепринятое поведение не имеют жестких границ, и Фрейд полагает, что это является определяющей чертой мужской сексуальности.

Проститутка, кокетка, «артистка любви»... После романа Золя таких «униженных» женщин стали называть *Нана*. Это та женщина, с которой позволено давать волю нерафинированным вариантам сексуальной жизни. В недавнем фильме герой-гангстер отвечает своему «пси», который спрашивает его, почему он не позволяет себе такого же подготовительного акта со своей женой: «Вы что, этим ртом она целует каждое утро моих детей» – данный пример обогащает перечень того, что Франсуаза Эрихье назвала «инцестом второго типа». Одну («актри-

су») мужчина наделяет чувственностью, другую (жену) – нежностью. У бедных мужчин это разделено надвое: «там, где любят, не могут желать, там, где желают, не могут любить». Вывод, к которому приходит Фрейд, одновременно неприятный и парадоксальный: чтобы по-настоящему быть свободным и счастливым в любовной жизни, надо перебороть уважение к женщине и «ознакомить» ее с репрезентациями инцеста. Как понимать это «ознакомление», позволяющее переживать психически фантазм первосцены, со всем ее насилием и всеми преувеличениями? Унижение (*Erniedrigung*) имеет одновременно и метафорический смысл (низкого качества), и прямой – *снизу* (*nieder*), а мужчина *сзади* (*a tergo*), – так выходит из-под пера Фрейда, на «респектабельном» языке, на котором он мог сказать то, о чем не принято было говорить. Инцестуозное бессознательное не делает различий, оно разделяет и сохраняет первый объект в двух противоположных аспектах: с одной стороны – Мадонна, с другой – блудница.

Два примера, две судьбы непрерывной любви сына к матери, начиная с раннего периода. Именно так трактует Фрейд инцестуозное желание, с точки зрения ребенка, верного своей первой любви. При этом в обоих случаях позиция взрослого и его сексуальность, скажем, точка зрения Федры, не игнорируется полностью, она, по крайней мере, подразумевается. «Блудница» – это та которая вступает – пусть даже и один раз! – в сексуальную связь с другим – такого ни одной матери не прощается. Каждый ребенок рождается из предательства материнской любви! Что касается Катерины, матери Леонардо, женщины, «не получающей сексуального удовлетворения, ставящей сына на место мужа», то почувствовав себя матерью, она превратилась в воплощение самого сладострастия.

Беглое припоминание фрейдовских клинических образов, начиная с матери «маленького Ганса», которая никуда не ходит без своего сына, беря его в свою кровать и даже в туалет, и заканчивая отцом, который «делает все», чтобы завоевать любовь своей маленькой дочери, которой снится, что «ребенка бьют», – такое прочтение демонстрирует, что всегда присутствует образ страстно желающего взрослого, даже если он и остается на втором плане. Случается, что Фрейд в некоторых случаях переворачивает инцестуозную проблематику и открывает такие перспективы, на которые обратили внимание лишь впоследствии¹.

Самым радикальным текстом является именно «Воспоминание детства Леонардо да Винчи» Оставляя в стороне своеобразную мать-соблазнительницу Катерину, Фрейд размышляет обо всех матерях, которые из-за невежества по своей прихоти путают любовь и заботу. Далее он пишет: «Любовь матери к своему младенцу, которого она кормит грудью и о котором заботится, есть что-то более глубокое, чем последующая привязанность к выросшему ребенку, подростку. Эта любовь по своей природе похожа на совершенную любовную связь, удовлетворяющую не только все психические, но и телесные потребности, и пока она позволяет переживать одну из высших форм счастья, доступного человеческому существу, мать чувствует себя вправе удовлетворять, без угрызений совести, давно вытесненные желания, которые мы обычно называем перверсными»². Итак, это позиция взрослого, но, следует отметить, не взрослой

1 Комментарий Ференци о взрослой «страсти», продолжающийся размышлениями Лапланша о теории соблазнения, Лакан, рассуждающий об отчуждении из-за желания другого, а также ряд авторов, разработавших теорию психозов.

2 Gallimard, 1987, p. 146.

сексуальности. И в случае ребенка, и в случае взрослого к инцестуозности стремится ребенок, а, точнее, присутствует инфантильная сексуальность. «Полиморфная» мать, которая ласкает, обнимает, убаюкивает, кормит грудью, согревая своим телом, воспринимает ребенка как полноценный заместитель сексуального объекта, а сама является ребенком собственной сексуальности.

* * *

Если мы переходим от инцестуозного желания ребенка к (педофильному) желанию взрослого, мы приближаемся, собственно, к инцесту, то есть к преступлению, к акту, нарушающему универсальный запрет. При этом весьма непросто понять переход из инцестуозной атмосферы инфантильной сексуальности к реальному совершению преступления. Согласно фантазму, инсценированному бессознательным желанием, преступление уже совершено, ибо желать – значит совершать, даже если каждый только мечтает об этом, хотя и по-своему. Мифы говорят о том же, идет ли речь об «Эдипе-царе» Софокла или о древних сказаниях индейцев: меры предосторожности, принятые для того, чтобы избежать инцеста, делают его неотвратимым¹. Отказ от желания соития «всегда и везде» исключает переход к действию, хотя известно, как показывает статистика, что «исключение» встречается достаточно часто. Подобный разрыв непрерывности между желанием и актом его исполнения показывает, что акт не является естественным осуществлением желания. Можно ли тогда говорить о простом «переходе» от одного к другому?

Для продвижения вперед нам, бесспорно, придется оставить в стороне индивидуальные особенности редко

1 Ср.: С. Levi Strauss. *Leçon inaugurale au Collège de France* (1960), p. 31.

встречающейся психопатологии и перейти к часто встречающимся видам. Существует большая разница между более сильным, чем дозволено, волнением, которое испытывает отчим к началу пубертата своей падчерицы, и отцом, который злоупотребляет, вплоть до насилия, над своим 4–5 летним ребенком, мальчиком или девочкой, а может, и над обоими. Материнский же инцест заканчивается скорее в отделении психиатрии, чем в суде.

Какие желания исполняются путем совершения этих актов, если предположить, что такая «готовая» формула не является сама по себе препятствием для понимания совершенных актов? Каждый криминальный случай явно подтверждает, что такого рода преступления не вписываются в ряд преступлений, связанных с реализацией эдипова желания. Для того чтобы эдипова трагедия была сыграна, предполагается такое развитие психического аппарата, при котором достигается хотя бы одно психическое различие, а именно между Я и объектом, констатация потери объекта и появление «объектализации» как его прямого результата. *Потеря* одновременно предупреждает о *присутствии* другого, который станет третьим, но это позже, после катастрофы, после «окончательного» установления различия между полами и между поколениями.

Существуют инцестуозные акты, «соблюдающие» дифференциацию между полами и поколениями – и даже автономию объекта, – которые чаще всего избегают судебной участи: акты между братом и сестрой. Обратимся, например, к средиземноморской культуре, где отношения «брат–сестра» глубоко пропитаны традицией и где долг брата состоит в том, чтобы быть хранителем целомудрия сестры и чести семьи.

Однако от хранителя до обладателя всего лишь один шаг.

Такое правонарушение, несомненно, оставляет свои следы, не сравнимые все же с губительными психическими последствиями, вызванными инцестом взрослого по отношению к ребенку, особенно когда дело касается однополых отношений. Датский фильм «Торжество» Т. Винтерберга предлагает, используя для этого метафору семейного праздника саморазрушающейся семьи, тонкую репрезентацию возможного диапазона несчастий, спровоцированных инцестуозным поведением отца со своими детьми независимо от пола, на глазах у не столь потакающей, сколь шизоидной матери.

Эдиповы фантазмы нарушают уже установленные или только создаваемые границы. Они возводят барьеры и в то же время расшатывают их. Инцестуозный акт, во всяком случае акт взрослого, воспринимающего ребенка как «объект», свидетельствует о намного более примитивных формах психической жизни, в которой один плюс один не равняется двум.

Инцестуозность матери чаще всего удается реконструировать во время терапии ее сына-шизофреника. Фантазматическое измерение и здесь присутствует – а как может быть иначе? – даже если игра фантазма сводится лишь к простой фантазматической активности или принимает форму бреда. О каких фантазмах идет речь? Клод Балье подчеркивает частоту фантазмов матерубийства у инцестуозных отцов¹. Вероятно, в этом случае фантазм об убийстве одного является всего лишь обратной стороной фантазма об убийстве другого. Один или смерть... Отсепарироваться или умереть. Мы склонны здесь ссылаться на фантазм возврата к материнской груди, но такое представление о возвращении предполагает, что ему предшествовал уход, сепарация, каким бы

1 *Psychanalyse des comportements sexuels violents*, PUF, 1996, p. 116.

примитивным ни казался этот фантазм, он допускает все же наличие определенной дифференциации. Расплывчатость таких бессознательных фантазий об Абсолюте или месте, где, как говорят, ночью все кошки черные, побуждает нас обратить внимание на размышления Наталии Зальцман относительно того, что в этих пограничных зонах психики сексуальное не единственное, в чем принцип удовольствия нашел свою «по-ту-сторонность» – смертоносную и разрушительную.

* * *

Итак, мы видим мало удовлетворяющее нас противопоставление, с одной стороны, фантазмов, столь же эдиповых, сколь и инцестуозных, со своими любовными и сублиматорными судьбами, а с другой стороны – жуткого акта, разрушающего как тело, так и психику. У первых есть преимущество ложа Иокасты, поскольку они поддаются аналитическому лечению, остальным достается лишь страдание и тишина одиночной камеры или приюта.

Возможно ли, пребывая как в тумане внутри опыта аналитического лечения или психотерапии, выйти из этого противопоставления? Понятие «психического инцеста» или «инцеста между психическими аппаратами», безусловно, не является простым мостом, соединяющим эти крайности, поскольку это понятие позволяет периодически смещать границу между ними.

Основное правило психоанализа формулируется следующим образом: «Говорите все, что приходит вам в голову, даже если это неприятно, даже если оно вам кажется незначительным, не касающимся темы или абсурдным...» Когда «Человек с крысами» услышал основное правило, он прекрасно услышал все. На соблазнительное предложение («говорите все...»), он тут же от-

вечает нарушением, не озвучивая, а удерживая только для себя на протяжении нескольких месяцев в согревающих объятиях виновности мысль, пришедшую ему внезапно в голову, когда Фрейд назвал ему гонорар: «Столько-то флоринов, столько-то крыс...» На сексуализацию ситуации правилом (говорить все, что приходит в голову) уже существующая у невротика сексуализация мышления тут же отвечает тем, что утаивает секрет, придерживая его в глубине для себя. Основное правило создано для него и для его собратьев по неврозу переноса не только потому, что оно является, собственно говоря, неприемлемым (анализ можно закончить, когда пациенту удастся следовать основному правилу и действительно озвучивать все, что ему приходит в голову), настоящей находкой для обсессивного пациента, но еще и парадоксальным: парадокс связан с правилом, призывающим к нарушению (говорить о том, о чем умалчивают), к эдиповой комбинации, в которой прекрасно сочетаются желание и запрет.

Аналитику сразу известно, что он направляется к другим местам назначения, к психической встрече другого рода, когда изложение правила предстает в такой несообразности, что он воздерживается от его формулировки. Психический инцест отвергает *запрет*, у излагаемого *правила* нет никакого шанса это изменить. Тем, кому слово не оставляет другой возможности, кроме выражения чистой правды, тем, кто погружен в молчание, которое, однако, ничего не скрывает, призыв «говорить все» указывает в лучшем случае на отсутствие тактичности – слово, которое Ференци использовал в определении «искусства» психоаналитика, а в худшем – на отсутствие способности слушать.

Именно в статье о негативной терапевтической реакции Ж.-Б. Понталис выдвигает идею «психическо-

го инцеста»¹. Наряду с ним и многие другие задумались над этой проблемой. «Инцестуозное», упомянутое Ракамье, или «материнское безумие», о котором говорит Андре Грин, находятся в близких друг к другу регистрах. Нужно отметить, что «накопление идентичного», являющееся для Франсуазы Эритье центральным пунктом того, что называют «инцестом второго типа», может служить самым удачным выражением и для исследования психического инцеста, о котором идет речь. Для него час дифференциации между полами и поколениями еще не пробил. Единственная заслуживающая внимания дифференциация, скорее, оспоренная/аннулированная, чем нарушенная, является как раз тем, что приводит в отчаяние «безумную мать», ибо при таких обстоятельствах почти всегда она, ее тень, проявляет свою силу за кулисами: отказ, немыслимость того, что один перестает существовать, делится пополам таким образом, чтобы появились двое. Это отказ от своей собственной сепарации, посредством которой должен создасться объект. Парадигматическая для инцеста второго типа пара «мать–дочь» могла бы прекрасно проиллюстрировать этот психический инцест. Одна иллюстрация может дать больше целого доклада. Такая, например, как одно детское воспоминание пациентки, всплывшее после упоминания об удовольствии ощущать прикосновение кожи к коже в женской гомосексуальности. Она вновь видит себя в кровати своей матери: два тела, прижатых друг к другу, свернутых калачиком, ее спина прижата к животу матери, и ритм ее дыхания полностью совпадает с ритмом спящей.

В какой же степени это господство над психикой чего-то Одного может трактоваться как сущностная непре-

1 Non, deux fois non, in *Perdre de vue*. Gallimard, 1988.

рывность, некая примитивная неделимость, следствие смешения первоначального недифференцированного состояния, «океанического», или, еще проще, «амниотического»? Если должным образом обобщить инцестные желания, исходя из эдиповой проблематики, не можем ли мы рассматривать «психический инцест» как продолжение связи с первичной матерью? Именно эти идеи получают развитие и обретают свои первые очертания у Фрейда, когда он пишет, что мать после того, как «удовлетворила все нужды плода, приспособив для этого свой живот, продолжает исполнять ту же роль и после родов, но уже другими средствами. Материнский психический объект заменяет ребенку зародышевое биологическое положение»¹. Что это – простой биологический факт, как утверждает Фрейд, или конструкция, пропитанная фантазмом, возвращения к *Mutterleib*, в материнский живот? Не исключено, что райское наслаждение внутриутробной жизни является в значительной мере ретроспективной; что же касается гомеостатического равновесия между матерью и грудным ребенком, то оно может быть достигнуто, но оно точно не является данностью. Эта «симбиотическая связь», о которой пишет З. Фрейд в одном из писем, получит дальнейшие развитие в психоаналитической теории, в том числе благодаря работе Маргарет Малер.

Понятие симбиоза не выдержало испытания временем отчасти из-за того, что в результате психологических и этологических открытий основательно изменилось представление о маленьком ребенке. Произошел переход от нарциссического, безобъектного, аутистичного, как яйцо (или как беременный живот), младенца

1 *Inhibition, symptôme et angoisse, Oeuvres complètes*, PUF, vol. XVII, p. 254.

к *сообразительному* с самого начала грудному ребенку, способному менее чем через три дня различать голоса и отдавать предпочтение одному из них. Чрезмерная дифференциация новорожденного не уменьшает его *Hilflosigkeit*, неспособность удовлетворять собственные нужды, помогать самому себе. Совсем наоборот: рано открытый для окружающего мира, он сам и его психическое здоровье еще больше уязвимы, еще больше зависимы, в том числе и от получаемых «ответных реакций», то есть от объектных отношений.

Соображения Винникотта о психическом инцесте, бесспорно, имеют большое эвристическое значение. Его понятие «первоначальный материнский уход»¹, появилось отчасти в противовес идеи «симбиотической связи». Винникотт говорит о зависимости со стороны грудного ребенка, о «безумной» (гиперчувствительной) идентификации матери с собственным ребенком, подчеркивает, что адаптация (физиологическая, психическая) одного к другому является результатом двух гетерогенных точек зрения.

Связь с нашими утверждениями состоит, прежде всего, в том, что Винникотт определяет эту материнскую идентификацию как «шизоидный эпизод», как «психиатрическое состояние», сильно подавленное убеждением, что оно заканчивается. «Нормальная болезнь», насколько необходимая, настолько и опасная, приводит Кого-то к «безумию», биологическому или психологическому. Хотя мы здесь говорим о последствиях «психическио-го инцеста», это не означает, что последующие «инцестуозные» ситуации, которые мы уже не можем квалифицировать как «нормальные», на самом деле являлись простым продолжением первоначального состояния.

1 *De la pédiatrie à la psychanalyse*, Payot, 1969, p. 285.

Более того, как указывает Винникотт, именно потому, что старт провалился, водворяется безумие.

С этого момента нам надлежало бы перестать говорить лишь в общих чертах и начать рассматривать особенности каждого «провала». Напомним лишь один аспект, подсказанный замечанием Винникотта: «Если ребенок умирает, состояние матери, – а именно первоначальная материнская озабоченность – сразу становится патологическим». Мертвый ребенок... У меня сохранился в памяти один психотический мальчик, в начале своего пубертатного возраста, голова которого взрывалась от убийств: расчлененные жертвы, разрубленные тела, мелко разрезанные, полностью уничтожить которые было невозможно. Его имя Матье-Жан, инвертированное повторение имени его старшего брата, которого звали Жан-Матье, умершего десять лет назад, когда ему было несколько месяцев. На его могиле мать опускалась на колени каждый день. Мертвый ребенок навсегда остался инцестуозным ребенком, с кем она больше никогда не расстанется. Вечный ребенок, о котором недостаточно сказать, что он незаменим – особенно замещающими детьми – или что мать не смогла проделать работу скорби. Он не только не «умер», как это выясняется в психозах остальных, но его еще и невозможно убить. Никакая смерть не властна над ним. Смерть его не касается.

ОТНОШЕНИЕ «МАТЬ–ДИТЯ», НЕСОМНЕННО, ИНЦЕСТУОЗНОЕ

Андре Грин

В начале моего профессионального становления, когда я обучался психоанализу, один мой коллега рассказал мне случай матери, которая безустанно говорила своему сыну: «Ален, прекрати!» [Alain, cesse]. Аналитическая интерпретация тогда могла бы состоять из повторения этих слов, которые в оригинале звучали примерно как: «Ах, инцест...» [A, l'inceste]. В ту пору это называли «психоанализом отца». Была ли так необходима в действительности эта гомофоническая интерпретация для толкования инцестуозного желания? Не думаю.

* * *

Вначале я рассмотрю вопрос инцеста с антропологической точки зрения. На втором этапе я буду говорить о психоаналитической клинике.

В антропологии проблематика запрета на инцест сегодня прочно связана с именем Клода Леви-Стросса. Для него вопрос инцеста являлся предметом определенных споров. Во время работы над «Элементарными структурами родства» Леви-Стросс, который признавал в ту пору лишь два авторитета – Маркса и Фрейда, считал, что запрет на инцест является водоразделом между природой и культурой. Данному запрету присваивалась по-настоящему фундаментальное значение. Позже, в «Структурной антропологии II», он возвращается к этой теме, и, противореча самому себе, снижает

значимость запрета на инцест. Особый интерес к реинтегрированию человека в природу принимает у Леви-Стросса форму преувеличенного радикализма; при этом он ссылается на жизненные формы физико-химического типа, хотя такого рода аргументы умаляют теоретическую значимость его системы.

Поразительно, что в этой работе Леви-Стросса оспариваются его предыдущие антропологические тезисы, относящиеся, между прочим, к кровному родству, инбридингу. Его идея состояла в том, что основную функцию запрета на инцест, – более широкую, чем сам запрет на него, – могли бы выполнить определенные предписания, а затем и учреждение четкой системы отношений (в которой, среди прочих правил, находилось бы и обязательство, чтобы браки не заключались между членами одной семьи или общины). Другими словами, речь шла о формальной аргументации, о поиске ответа на вопрос о том, каким способом людям удавалось определять степень родства и находить самую выигрышную комбинацию для лучшего решения этого вопроса. Позже Леви-Стросс сделал свою теорию более строгой, сопровождая ее все более резкой критикой в адрес Фрейда, понимающего запрет на инцест как запрет на желание, которого следует остерегаться.

В наши дни мы являемся свидетелями перемен, когда некоторые антропологи вновь начинают интересоваться психоанализом. Журнал *L'Homme* недавно выпустил номер, озаглавленный «Может ли существовать психоаналитическая антропология?». Заглавие может показаться обычным, но оно является революционным, особенно если учесть, что до этого ответ был – категоричное нет! Некоторые антропологи пересмотрели свои теоретические взгляды, устанавливая новые отношения с психоанализом. Следует обратить особое внимание

на работы Мориса Годелье, который вопреки Леви-Строссу придает сексуальности фундаментальное социальное значение. Его идея состоит в том, что общество не обусловлено только природой, оно формируется, и для того, чтобы его сохранить, необходимо принести в жертву сексуальность, потому что она вносит беспорядок.

Как известно, моя точка зрения – это точка зрения психоаналитика; я напомнил обо всем этом, чтобы показать, что и в антропологическом подходе происходят изменения. Другим способом это показать – проследить путь от Леви-Стросса к Франсуазе Эритье. Леви-Стросс является сторонником формализма, бывшего в моде в эпоху структурализма и находящегося под влиянием лингвистического формализма. Структуралистские амбиции Лакана вписываются в ту же траекторию. Франсуаза Эритье вводит в антропологию понятие «гуморальные жидкости». Антропология Леви-Стросса не имела плоти, но благодаря ей «гуморальные жидкости», то есть кровь, моча, сперма – все эти циркулирующие по телу вещества, а во время контакта еще и переходящие от одного индивидуума к другому, становятся предметом исследования и размышления.

В свою очередь, Бернар Жюйера проводит различие между филиацией, правилами родства и сексуальностью. За ним последовали и другие (П. Биду).

В кругу антропологов запрет инцеста вызывает разнообразные интерпретации, несмотря на то, что все признают его важность, чего нельзя сказать о другой важной теме, которой интересуется психоанализ: отцеубийство и матереубийство. Фрезер, на которого ссылается Фрейд в «Тотеме и табу», оставил несколько рекомендаций, но антропологи ими не воспользовались.

Остановимся на инцесте, являющемся нашей темой. Фрейд начинает с того, что воскрешает в памяти

часто упоминаемую им сцену, нанесшую ему в детстве тяжелую рану, а именно ту, в которой он видел свою мать голой; он связал это с идеей либидо, направленного к *matrem*. Тот факт, что Фрейд пишет об этом по латыни, говорит о многом. Можно лишь предположить, какие сопротивления ему пришлось преодолеть, чтобы высказаться об инцестуозных чувствах, происхождение которых он открывает в самом себе и которые затем будут присутствовать во всех его трудах. Всем известна тайна, связанная с интервалом между открытием им в 1897 году комплекса Эдипа и его первой формулировкой в 1923 году. Это не значит, что комплекса Эдипа не существовало между 1897 и 1923 годами. Конечно, он существовал, все труды Фрейда переполнены им, и в его «Пяти случаях психоанализа» говорится лишь об этом, но Фрейд воздерживается все эти годы от рассуждений о своем открытии и проводит долгие годы в размышлениях. Почему?

Потому, что очень скоро Фрейд осознает, что он не может описать комплекс Эдипа, основываясь только лишь на клинических данных. Речь идет о феномене такого крупного масштаба, что ему понадобилось, прежде всего, понять, каким образом он коренится также и в культуре. Ему потребовалось написать «Тотем и табу» и, разумеется, «Психологию масс и анализ Я», прежде чем он придал комплексу Эдипа, открытию которого он обязан трагедии Софокла, теоретическую форму.

Приведу лишь одну цитату из «Я и Оно» 1923 года. Фрейд пишет: «Похоже, простой комплекс Эдипа далеко не наиболее часто встречающаяся ситуация, но она соответствует такому упрощению или схематизации, которая на практике зачастую оправданна. Более углубленное исследование нередко может привести к открытию комплекса Эдипа в более полной его форме, являющейся

двойственной, положительной и отрицательной, в зависимости от первоначальной бисексуальности ребенка; иначе говоря, мальчик показывает не только амбивалентное отношение к отцу и нежную привязанность к матери, но одновременно ведет себя и как девочка, которая демонстрирует нежное женственное отношение к отцу и враждебность и ревность к матери».

Следует отметить, что в этой формулировке Фрейд речь не идет о сексуальности. Он отмечает нежный выбор объекта матери, а также нежное женственное отношение к отцу. Более того, речь идет об амбивалентном отношении к отцу и о позиции враждебной ревности к матери. Что бы это могло значить? А то, что благодаря процессу вытеснения состояния, соответствующие начальным влечениям, были изгнаны из сознания. Остаются лишь отдаленные проявления этих влечений. То же самое можно сказать и о принципе удовольствия/неудовольствия. Говоря об удовольствии, следует отметить, что Фрейд исключил из него наслаждение; позже Лакан введет его вновь. Из неудовольствия он убрал боль. Две пары крайностей: наслаждение/боль стираются, оставляя место удовольствию/неудовольствию. Почему? Потому что Фрейд работает с последними двумя. Если бы он имел дело с наслаждением и болью, он не смог бы приступить к проработке, другими словами, не смог бы анализировать.

Хотелось бы добавить несколько замечаний. Во-первых, о том, что ни одна реальная ситуация не в состоянии проиллюстрировать полную форму комплекса Эдипа, подчиняющегося первоначальной бисексуальности. Кроме того, невозможно обнаружить конфигурации положительного и отрицательного Эдипа, по крайней мере, в их завершенных формах. Мы всегда сталкиваемся лишь с их очертаниями. И что же тогда вызывает у нас

интерес? Случаи, когда совершается инцест или когда только появляются следы инцестуозных желаний? Совершившийся инцест нам не интересен, даже с учетом того, что сегодня статистические исследования стали возможными и достоверными. Истина в том, что хотя и существует свершившийся инцест, он не является насущным хлебом аналитика.

Идея инцеста с самого начала ставит нас лицом к лицу с проблематикой первоначального измерения сексуальных желаний. Простой ссылки на желание недостаточно для того, чтобы объяснить комплекс Эдипа. Исследуя глубже комплекс Эдипа, можно заметить, что он представляет собой комбинацию и чередование желания и идентификации. Желание и идентификация с матерью, желание и идентификация с отцом. Проблематику желания и идентификации следует рассматривать совместно. Затем остается лишь доказать, что идентификация отвлекает желание, держа его на расстоянии.

Эволюция мысли привела к модификации способа исследования комплекса Эдипа. В англосаксонском психоанализе его преимущественно считали фазой развития, наступающей между 2 и 5 годами и имеющей определенные характеристики, которые можно описать. Во Франции, в частности, под влиянием Лакана эдипов комплекс считали структурой, понимая под этим первоначальную и универсальную психическую организацию. Если бы Эдип сводился лишь к одной фазе, она присутствовала бы с самого начала, особенно в форме Эдипа у родителей. Эдип родителей находился бы уже там изначально, сопровождая первое дыхание младенца и даже предвосхищая его, еще до его появления на свет, посредством фантазмов (положительных или отрицательных), ожиданий, надежд, боязней – все это вписано в эдипову конфигурацию роди-

телей. Я полагаю, что Эдип является больше моделью, чем структурой. И пояснил это в одной статье из моей книги – «*La déliaison*»¹.

Вернемся, однако, к инцесту. Оставим в стороне инцест отец/дочь и отец/сын. Разумеется, инцест между отцом и дочерью является наиболее часто встречающейся ситуацией; потенциальный инцест с матерью для детей обоих полов является обязательным пассажем, которого невозможно избежать. Речь идет о телесной связи между ребенком и его матерью, в основе которой присутствует инцестуозное отношение.

Вслед за Лаканом можно отвергнуть этап «доэдипальной» фазы, если верно, что с самого начала Эдип уже присутствует. Но это не мешает нам задавать себе вопросы о догенитальных этапах, в которых сила телесной связи с матерью содержит что-то неизбежное. «Новые родители» ничего не меняют в этой ситуации. Отец дает соску, а не грудь, даже если он надеется, что биология однажды позволит ему сделать это; он меняет пеленки, лепечет, отзеркаливая лепет младенца... а мать смотрит на него с нежностью, считая его совершенно некомпетентным в этом. Телесная связь никогда не будет одинаковой для этих двух полов. Существует предварительный этап вынашивания младенца в утробе в течение девяти месяцев, и этот период никогда не забывается, особенно матерью.

Комплекс Эдипа, отцовский комплекс, ядерный комплекс невроз... К этим формулировкам следует добавить идею Muttercomplex, комплекса, в котором мать занимает стержневую позицию. Из трех полюсов эдипова треугольника мать – единственная, кто имеет плотскую, телесную связь с двумя остальными, с отцом и с ребен-

1 A. Green, *Oedipe, Freud et nous*. In *La déliaison*, Hachette, 1992.

ком. Ее тело задействовано в этих двух ситуациях, разумеется, по-разному. А отец и ребенок, независимо от пола, имеют с остальными лишь частичную и косвенную связь. Намного раньше, чем Мелании Кляйн, Фрейд написал в «Я и Оно», что связь ребенка с грудью матери является прототипом всех последующих любовных связей! И одновременно с этой связью, а не после, подчеркивает Фрейд, происходит связывание идентификации с отцом с собственной предысторией. Позже (в l'Abbrégé) он уточняет, что мать является первой соблазнительницей ребенка.

Связь с грудью – это связь на уровне телесного контакта. И речь ведь не идет о чем-то маловажном, поскольку после пребывания в состоянии слияния с материнским объектом должна последовать сепарация. Фрейд говорит, что необходимо, чтобы объекты, приносившие удовлетворение, были потеряны. Что означает эта загадочная фраза? Она означает, что со взрослением ребенка и приобретением им опыта грудь матери перестает быть частью тела ребенка. Или, как говорит Винникотт, субъективного объекта, объекта, созданного ребенком, уже будет недостаточно для поддержания иллюзии. Необходимо, чтобы ребенок признал сепарацию; чтобы объект, по сути, был найден вновь, прежде чем после сепарации вступит в действие принцип реальности.

Подразумевается, что объект признается отдельным, отличным от себя, объективно воспринимаемым. Фаза субъективного объекта, или первичной связи с матерью, «инцестуозная» фаза, навсегда сохраняется в виде мнестических бессознательных следов.

Вернемся к клинике. Я пришел к этим заключениям не на основе изучения теорий, а слушая пациентов и применяя услышанное на практике. Хотелось бы подчеркнуть наиболее важное: когда мы говорим об Эди-

пе, то говорим об инцесте. Обычно концентрируются на инцестуозных желаниях сына к матери. Тем самым происходит пренебрежение обратной связью от матери к ребенку (независимо от пола), чувственной связью, которую я назвал «материнским безумием». Существуют состояния, которые мы, как ни парадоксально, должны называть нормальным безумием. Я хочу сказать, что чувственные состояния возникают между матерью и ребенком естественным образом. В памяти всплывает визит к приятелям, у которых недавно родился младенец. Вдруг в разгаре беседы мать говорит: «Ах! Он просыпается». Никто, кроме нее, ничего не слышал; это напоминает сон чуткой кормилицы. Можно сказать, что здесь речь идет о том, чего другие не замечают, о чем-то, вписывающемся в нормальную физиологическую связь. А когда этого материнского безумия не существует, мы вправе тревожиться за судьбу ребенка. Мать, которая воспринимает своего ребенка объективно с самого начала, обеспечивает ему плохой старт.

Наверняка многие смотрели фильм Альмодовара «Все о моей матери». Этот фильм вызвал достаточно много откликов, поэтому здесь я остановлюсь лишь на аспекте «материнской трагедии». Мать, одна воспитывающая своего ребенка, оберегает его, дает ему всю любовь, на которую способна и в которой он нуждается, она внимательна к его самым незначительным жестам, его тревогам, его беспокойству, она понимает... так вот, к сожалению, ребенок нуждается все же в чем-то другом. И в то же время, если мать не дает всего того, что я перечислил выше, это может привести к серьезным неприятностям. В этом и проявляется трагизм инцеста со стороны матери; и чтобы это можно было понять, все это надо было сначала увидеть, работая с пациентами.

Для матери инцест – естественное явление, хотя, бесспорно, она обязана выстраивать барьеры против него. Но эти барьеры не являются незыблемыми и абсолютными... Я вспоминаю то время, когда работал в больнице Сент-Анн и писал диссертацию о семейном окружении больных шизофренией; там я наблюдал случаи, когда матери во время посещений мастурбировали своих сыновей. Если врач беседовал с ними на эту тему, он получал следующий ответ: «Но бедный мальчик, как вы хотите, чтобы он это сделал», или «Я предпочитаю сделать это сама, чем чтобы он подцепил какую-нибудь заразу».

Когда отец совершает инцест со своей дочерью, речь идет об аннулировании границ, иногда умышленном. Тем самым отцы как бы говорят ребенку: «Мы стоим над законом, посмотри, какую чрезвычайную силу ты приобретешь от нашей близости. Все мужчины будут лежать у твоих ног...». А у матери нет необходимости заходить так далеко, потому, что существует что-то фундаментально инцестуозное в самой банальной связи между матерью и ребенком. Инцестуозные желания существуют у ребенка, и они сильно подкреплены матерью, влюбленной в своего ребенка. Мы все время склонны недооценивать это измерение. «Я свободно смогла бы завести себе любовника, – говорит пациентка, – что касается мужа, меня бы это не очень смущало, но у меня бы создалось впечатление, что я предаю своего сына».

Инцестуозная связь между матерью и дочерью заслуживает особого внимания; вспоминаются пятидесятiletние пациентки, говорящие с ностальгией, которую никто не смог бы развеять, о незабываемом запахе рук своих матерей. Испытанное врезается в память так, что ни одному последующему возбуждению не удастся стереть, затушевать вызывающий воспоминания потерянный рай. Существуют банальные реминисценции:

«По воскресеньям, утром, когда я просыпалась, я бежала к своим родителям в постель». И другие ошеломляющие воспоминания: «Мать всегда просыпалась первой, и я ложилась на ее место, чтобы насладиться теплом ее тела, оставленным ею в постели». Здесь уже речь идет не о локализованных эрогенных зонах, а о диффузной эрогенности, о полном контакте с телом матери. Анзье сказал бы, конечно, о Я-коже.

Нередко насильственность инцестуозного измерения выражается, наоборот, отрицательными чувствами: «Я ненавижу ее, я ненавижу ее...». О комплексе Электры уже говорилось. Достаточно прочесть Софокла, Эврипида, чтобы понять, что, хотя воспоминание об отце и доминирует в душе Электры, на самом деле она одержима матерью. У меня часто складывалось впечатление, что некоторые пациентки не могли говорить, потому что им казалось, будто их мать находится в комнате. Однажды одна моя пациентка ответила на заданный мною вопрос: «Я не знаю, спросите мою мать». А другая, заливаясь слезами, сказала: «Если я не вижу себя в глазах своей матери, я не знаю, кто я». То, что мы называем идентичностью, возможно только благодаря взгляду матери. Тем самым мы утверждаем, что в некоторых отношениях «мать–дочь» возникает амбивалентная страсть, «ненависть–любовь», как говорил Лакан, страстное отношение, поддержанное нескончаемым внутренним диалогом.

«Тогда я вчера позвонила ей, и она мне сказала... и я ответила ей... и она опять мне сказала, и я сказала ей, что она не делала для меня и четверти того, что делала для моего брата...». И так бесконечно, этому нет конца...

Разве у мальчиков не то же самое? До этого нескончаемого диалога доходят и мальчики, но реже, если они не психотики. Почему? Потому что между матерью и до-

черью речь идет о гомосексуальном и нарциссическом инцесте. Дочь и мать – они находятся в зеркальной нарциссической связи, в которой подобная говорит с подобной. Между матерью и дочерью, даже когда все протекает нормально, связь никогда не прерывается. Дочери покидают родительский дом, учатся, ходят по вечерам на семинары в Сент-Анн, выходят замуж, рожают детей... и звонят своим матерям: «Мама, что мне делать?... он все время плачет». Отношение с матерью вновь завязывается посредством материнской функции. К тому же на этот раз, как подчеркивал Фрейд, для того, чтобы побороть инцестуозную связь с матерью, недостаточно быть негомосексуальной. В некоторых брачных союзах, где можно предположить, что муж был выбран на основе прототипа отца, можно обнаружить, что фактические отношения построены на основе связи между матерью и дочерью со всеми сопровождающими ее упреками и злостью. И что, территория инцеста сводится лишь к этому? Собственно, не столь важны сами по себе сырые факты, сколько преемственность и качество эротической атмосферы, делающей так, чтобы сепарация дочери с матерью никогда по-настоящему не произошла. Дочь с успехом может перебраться в другой конец Земли, но в ее голове... совсем другое... Здесь, в ее памяти, инцест не знает границ.

Мальчики борются изо всех сил, прежде чем примириться с запретом на инцест. Но их потеря частична, так как у них есть право на утешение: «Не со своей матерью, но если попадетсЯ одна, похожая на нее, так и быть, закрою на это глаза». В худшем случае, они оказываются на кушетке психоаналитика, и это им только на пользу. У девочек все происходит иначе, поскольку они вынуждены сменить объект; отсюда и все вытекающие проблемы. Вспомните, каким сюрпризом была для Фрейда откры-

тая им в 1930 году глубина фиксации дочерей на своих матерях, глубина, которую он сравнивает с минойско-микенской цивилизацией, покрытой и замаскированной классической греческой цивилизацией.

Эту тему рассматривает и Мелани Кляйн, которая, не вдаваясь в детали, переформулировала ее в терминах фиксации к матери. Идет ли речь об истине, оставшейся незамеченной? Трудно сказать, потому что Мелани Кляйн выводит на первый план деструктивность, страх аннигиляции... и недооценивает эротическую силу. Последовавшие за ней английские авторы детально описывают все догенитальные фазы либидо, но с одной особенностью: англосаксонские матери целомудренны. Авторы обсуждают отношения матери с младенцем, саму мать, достаточно или недостаточно хорошую, отмечают страх сепарации... А либидо исчезло, как либидо матери, так и либидо женщины. Рассматривается лишь привязанность, и она противопоставляется влечению. При этом забывается, что привязанность сама по себе есть результат влечения, что она не может быть чем-то иным. Какой может быть природа этой привязанности, если нивелируется эротизм? И вот мы сталкиваемся с новым возвратом к пуританизму! Во Франции принимается во внимание сексуальность, первоначальная сексуальность, первостепенная, бесспорно инцестуозная, долговременная, постоянная на протяжении всей жизни. Все умирающие кричат «Мама».

ПРОБЛЕМАТИКА ИНЦЕСТУОЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В КЛИНИКЕ ЖЕНСКОЙ ФИЛИАЦИИ

Моник Бидловски¹

В последние годы, благодаря сотрудничеству психоаналитиков, гинекологов и акушеров, были проведены новые медицинские исследования. Практикующие клиницисты обнаружили, что при психических нарушениях у больных регулярно отмечаются инцестуозные репрезентации. Жалобы пациентов касались, в первую очередь, сложности филиации: необъяснимое бесплодие, нарушение развития беременности, отмеченные психосоматическими инцидентами или сложности установления первых отношений с новорожденным.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ УЧАСТКОВОЙ ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В медицинских учреждениях психоанализ находится вне привычных рамок, он лишен своих привычных условий, в которых гарантируется развитие переноса, необходимого для интерпретаций, поэтому все происходит в иных условиях. Мы не станем рассматривать здесь в деталях сам метод работы [3, 4], но мы настаиваем на том, что даже в условиях оказания общей медицин-

1 Исследовательская лаборатория Родильного дома Порт-Рояль, «Psychopathologie de la périnatalité», Hôpital Tarnier, 89, rue d'Assas, 75006, Paris.

ской и даже неотложной помощи абсолютно необходимо создание четких рамок сеттинга и соблюдение хотя бы его минимальных условий (место, регулярность, нейтральное отношение к свободным ассоциациям, правило абстиненции), способствующих развитию трансферентных отношений.

Следует также учитывать, что идеализация и интеллектуализация профессионалами объекта исследования, человеческой филиации, зачастую создает препятствия для распознавания тонких феноменов, таких, к примеру, как чувство вины, связанное с беременностью и родами, это чувство, испытанное каждым будущим или новым родителем, часто недооценивается. Профессиональная защитная система, которую каждый устанавливает в своем рабочем кругу, нацелена на дезактивацию анксиогенного клинического материала; при этом его аффективное содержание отрицается. Так можно объяснить ангелизацию новорожденного, столь часто декларируемую клиницистами.

Деятельность психоаналитика в медицинской среде требует особых психологических качеств: кроме теоретических знаний, ему необходимо особое умение работать в команде. Эта работа часто бывает неблагодарной, так как отбирает больше времени по сравнению с другими сотрудниками, работающими в больнице. Одним своим присутствием, играя роль громоотвода тревоги для лиц, которыми он занимается, психоаналитик может способствовать повышению порога переносимости аффективных расстройств.

Эта деятельность также требует от практикующего психоаналитика способности к спонтанной эмпатии к беременным женщинам. Этому естественному чувству невозможно научиться, ему невозможно научить, и оно не всегда встречается в родильных домах.

Наоборот, беременная женщина, как и любой творческий человек, рискует вызвать зависть; клиницисты тоже не застрахованы от этого коварного чувства. Можно даже сказать, что уход в слишком заметную нейтральность, выраженное спокойствие и объективность к этим женщинам часто являются проявлением отсутствия эмпатии у некоторых из них.

Кроме того, психиатр-психоаналитик обязан прикладывать постоянные усилия для сдерживания аффектов, вызванных в нем самыми прямыми конфронтациями, которым он подвержен. На этом материнском поприще, богатом весьма сильными эмоциональными контактами, этическая проблема иногда встает очень остро. Часто бывает трудно обеспечить нейтральность, гарантирующую объективность. В акушерском кругу психоаналитик-практик должен выполнять контейнирующие функции; эта роль может привести к массивному выходу вытесненных содержаний и к появлению у него самого интенсивных аффективных переживаний. Девере [6] уже отмечал, что основным инструментом в науках о поведении и интерсубъективных связях является контрперенос.

В акушерской среде так или иначе задействуется весь медицинский персонал. Усиливается тревога всех сотрудников, как и их сопротивление психосоматическому подходу. Несмотря на то, что аналитическая работа проводится в непривычных условиях, психоаналитическая этика требует от практикующих специалистов сдержанности и отказа от разговоров и бесед о пациентах со своими коллегами, лицами из обслуживающего медицинского персонала.

Эта довольно длинная прамбула заостряет внимание на изоляции и трудности работы участкового врача.

Речь идет о создании новой практики психоаналитического типа, которая не является психоанализом, но органически с ним связана. Ряд специалистов сделали себе имя на инновационных практиках – в педиатрии [11, 12], в психиатрических учреждениях [10], в пениitenciарной среде [1].

Речь идет о создании необходимого пространства-времени с каждым пациентом, прежде чем он будет в состоянии прийти к восприятию собственного внутреннего пространства; параллельно с практикующим специалистом нужно развить такое аналитическое слушание, которое требует отказа от какой-то части себя в пользу другого и использования своей восприимчивой женской части. Человеческие ситуации, наблюдаемые в родильных домах, принадлежат к категории самых болезненных ситуаций из тех, которые только можно наблюдать; их избегание означает избегание тревоги через механизм контрпереноса.

Обращение к внутренней реальности – медленный, неуловимый и не поддающийся измерению процесс; его отделяют световые годы от «ургентности», царствующей в медицине, поэтому нейтральность, гарант объективности, должна на практике уступить место присутствию, вовлеченности и причастности в терапевтических целях.

ИНЦЕСТУОЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПСИХИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРИ БЕСПЛОДИИ

Каждая беременность сопровождается инцестуозными репрезентациями, чаще всего бессознательными; априори их фиксация, их застой в отдельных случаях могут являться факторами бесплодия, как в следующем примере.

Женщине 40 лет гинекологи порекомендовали обратиться за психологической помощью после повторной неудачной попытки ЭКО. Во время консультации пациентка выказывает недоверие к психоанализу; она повторяет воспоминание, уже записанное в ее медицинском анамнезе, а о травматическом случае, который она считает причиной тех сложных отношений, в которых она оказалась. Забеременев в 18 лет, ей пришлось сделать аборт на позднем сроке в Англии; она сохранила воспоминание об этой «мясорубке». Намеренно пренебрегая чувством неотложности материнства, которого требовал ее возраст, я предложила ей ассоциативный метод работы в связи с этим воспоминанием и не очень частые, но регулярные встречи ввиду уважения к ее защитам. Целый год это ужасающее, злобное и бессмысленное воспоминание было ее единственной темой. Затем, когда она заявила, что отказывается от материнства, появились и другие воспоминания, например те, что были связаны с ее отцом, который развлекался, делая вид, что она его партнерша, когда ей было около 15 лет. Кстати, он и оплатил все расходы, связанные с абортом. Эмоции, вызванные мобилизацией этих инцестуозных воспоминаний, которые она так долго в себе таила, были ярко выраженными и совпали с дебютом спонтанной беременности, на которую она уже не надеялась.

Психическая жизнь, подверженная испытанию беременностью и родами

Новость о беременности, особенно когда она первая, влияет на женскую психику так, что в ней появляется инцестуозная тематика, обычно очень интенсивная; мощно проявляется все, что успешно сдерживалось и отодви-

галось в сторону во время отрочества и особенно в период добровольно продленного бесплодия, связанного с предшествующим беременностью использованием контрацептивов.

Во время беременности

Внутриутробное развитие активизирует репрезентации инцестуозной тематики. Появление фетальных эндосоматических ощущений застают врасплох каждую первородящую, хотя она их и ожидает. Речь идет о совершенно незнакомых ощущениях. Иногда они могут быть оргиастическими или вызывать эротические сны. Часто эти невыразимые ощущения могут быть распознаны лишь благодаря словесному обмену, разговорам о них с другими людьми, которые могут подтвердить их происхождение.

С другой стороны, психическое состояние молодой женщины постепенно меняется во время беременности и характеризуется большой проницаемостью предсознательных психических репрезентаций.

Модификация обычной психики заключается в особой достоверности, в радикализме, напоминающем юность. В этом периоде, совпадающем с кризисом взросления, психическая прозрачность позволяет тому, кто вмешивается извне, ощутить – при условии необходимой свободы – мечты, фантазии, то есть все то, что составляет историю, предшествующую рождению ребенка, который, вероятно, станет ее носителем.

На протяжении всего внутриутробного развития тела ребенка в материнской психике непрерывно скрешиваются два уровня: архаический уровень идентификации с материнским образом в начале жизни, и эдипальный уровень, богатый инцестуозными репрезентациями.

Фрейдовская метафора перманентности следов минойской цивилизации под следами греческой [8, 9] проявляется здесь во всю свою мощь. Эта метафора указывает на значение материнской доэдиповой связи, предшествующей и лежащей под более поздней эдиповой конструкцией.

Релевантная для женственности вообще, эта метафора частично проясняет психическую проблематику материнства.

Следы минойской цивилизации

У молодой женщины беременность и сопутствующая ей психическая прозрачность реактивируют память первоначала. Беременность придает этой памяти актуальность, которой долгое время пренебрегали. Когда будущая мать, в настоящее время беременная, сама была хрупким младенцем, она познала чередование фаз присутствия и отсутствия той (матери, или замещающего ее объекта), которая заботилась о ней. Благодаря этому материнскому ритму тот бывший младенец, которым она была, постепенно смог почувствовать непрерывность своего существования. Адекватный уход позволил ей испытать опыт непрерывности собственной жизни, без которого он провалился бы в хаос.

Нынешняя молодая женщина, бывший младенец, смогла таким образом создать и сохранить хороший внутренний объект, метафорическую формулу, означающую чувство непрерывности нежного и надежного материнского присутствия.

Благодаря особенной прозрачности психики, период беременности, несомненно, является единственным моментом в жизни, когда внутренний объект имеет репрезентацию; более того, имеет объем, объем округля-

ющего живота, плода, который безжалостно толкает изнутри. Вскоре он становится осязаемой реальностью. Кстати, ощущение беременной женщиной его первых активных движений действительно подает знак, что объект находится там; бодрствует он или спит, его невозможно забыть.

Внутренний объект не всегда одинаково хороший. Некоторые грудные дети сталкиваются с хаосом во время недостаточного, нерегулярного или неадекватного ухода. Если материнская забота внедрялась в психическую структуру, то такому внутреннему объекту никогда нельзя будет оказать доверие, и он будет скорее угрожающим [11, 12].

Когда-то младенец, а сейчас беременная женщина, испытывает конфликтное переживание этой близости с внутренним имаго. Существует риск, что появление ребенка, реального представителя внутреннего объекта, который должен родиться, будет ожидаться с ужасом.

У молодой женщины было именно такое хаотичное раннее детство, и она не смирилась с прошлым материнским имаго. Забеременев, она ощущает вибрации, идущие изнутри ее самой, и ей снится, что «ее мать была разорвана на куски, но ее изуродованное тело фактически стало телом младенца». Без ретуши сновидение создает кошмарную метафору угрожающего, разрывающего и фрагментирующего внутреннего объекта.

Другой беременной женщине снится, что она «носит в себе белокурую девочку, которая плачет, и вызывает о помощи»: точное воспоминание печального младенца, каким она сама была в прошлом.

Для молодой женщины беременность, похоже, является единственным моментом в жизни, когда внутренний объект перестает быть чистой метафорой; оживленный активными движениями плода, ощущаемыми

внутри тела, он становится реальным. Единственным выражением этой необычной близости между молодой женщиной и внутренним объектом является ее молчаливая любовь. Все клиницисты отмечают безмолвное отношение беременных женщин к ребенку, которого они ждут, по крайней мере, пока беременность протекает нормально и нет никакой причины для беспокойства с медицинской точки зрения.

В случае, когда мы предлагаем беременной женщине встречу с психотерапевтом, она говорит на темы, далекие от этой безмолвной страсти. В конце концов внутренним объектом будут затронуты все психически чуждые этой инвазии темы. И, наподобие устаревших монет, которые больше не в ходу, темы, некогда содержащиеся в тайне, наконец, могут быть широко обсуждаемыми; это касается инцестуозных репрезентаций.

Появление следов древнегреческой цивилизации

Чуждые новому физическому и психическому условию – ожидания ребенка – могут высвободиться забытые темы, такие, как репрезентации сексуального насилия или тайной любви, не подвергающиеся более цензуре. Эти темы, до этого тайно инвестированные, теряют свою либидинальную нагрузку, из-за которой о них умалчивали. Старые истории и тайные фантазмы сейчас могут быть поведаны с легкостью. В сравнении с новизной такого события, каким являются беременность и страсть к внутреннему объекту, уже ничто не имеет значения.

Инцестуозная тематика появляется с легкостью, как в следующем примере.

Син забеременела от мужчины, которого любит. У него уже есть пятилетний сын. С началом беремен-

ности этот ребенок от другой женщины становится настолько невыносимым, что Син добровольно решила прервать беременность, чтобы снова обрести прошлое идиллическое состояние. Она охвачена чувством инцестуозной вины: мать другого ребенка – хотя и отсутствующая в действительности – стала вездесущей, а сексуальные отношения между Син и этим мужчиной оказываются под запретом. Массивное проявление инцестуозных репрезентаций, выраженных без всяких преград, связано с новым положением, созданным беременностью.

Эти инцестуозные эдиповы репрезентации гетерогенны, они отличаются от страстного состояния влюбленности молодой женщины (вновь обретенная любовь к первоначальному объекту). Весь внутренний мир женщины захвачен эдиповыми инцестуозными репрезентациями; оставаясь для нее чуждыми, они не принимаются ею во внимание. Иногда о них с легкостью рассказывают уже во время первичного интервью. *Таким образом, вытеснение связано с жестким ядром: с самой интимной связью «мать–дочь», и инцестуозные репрезентации могут выставляться напоказ, освобожденные от контринвестиций, державших их до этого в безмолвии.*

Роды

Во время родов мы вновь открываем сосуществование двух психических движений – регрессивного и инцестуозного.

Долгое время страх женщин, вызванный ожиданием родов, рассматривался главным образом в связи со страхом смерти, мобилизованным неминуемым соматическим травматизмом, который предполагают роды [5].

Несмотря на гарантии, предлагаемые сегодняшними медицинскими достижениями, предродовой страх, описанный в мифах, сохраняется, многие молодые женщины еще продолжают страдать из-за предродовой тревоги. Этот страх может привести даже к панике и вызвать необоснованное требование общего наркоза или кесарева сечения.

Даже в своем самом удачном виде любые роды содержат толику физического насилия. Всякое женское существо потрясено разрывами и дилатацией родовых путей, по которым должен пройти рождающийся ребенок. У млекопитающих, чьи родовые схватки похожи на людские и которые, можно предположить, не ведают тревоги, роды также отмечены мучительными усилиями и нестерпимой болью.

Благоразумный страх перед этим физическим потрясением при родах приобретает у многих женщин форму безрассудного беспокойства [5]. Бессознательные переживания имеют теперь новый оттенок, соответствующий приливу на сознательном уровне сексуальных запретов эдипального периода.

Так, одна молодая женщина сравнивала боль во время своих первых родов с ощущением давления на живот диких слонов и заранее потребовала кесарево сечение при вторых родах. Тяжесть слонов была наглядно представлена в воспоминаниях об иллюстрированной книге, подаренной ей когда-то молодым дядей, в которого она была по-детски влюблена.

Другая впервые забеременевшая женщина пришла для обычного осмотра к гинекологу, просто чтобы проверить, все ли в порядке, но ее напугало гинекологическое кресло, которое ассоциировалось у нее с кадрами из фильма «Ночной портье», известного своими садомазохистическими репрезентациями!

Цепь бессознательных ассоциативных идей использует подобные окольные пути, чтобы выразить запретную любовь или тайное удовольствие, чтобы эти репрезентации актуализировались во время родов.

Когда у женщины уже начались роды, тревога, вызванная приливом в сознание репрезентаций, хранящихся обычно в бессознательном, может сделать реальную физическую боль невыносимой. Иногда отмечается выраженный эмоциональный кризис, часто упреки адресованы врачу-акушеру или партнеру, чье отсутствие оплакивается, или акушерке, которая кажется недоброжелательной или недостаточно внимательной. Так, эмоциональный кризис, через который проходит роженица, вызывает в ее памяти взрослую пару (ее родителей), которая, как ей кажется, равнодушна к ее страданиям. Это часто сопровождается чувством стыда, связанного с регрессией сфинктеров в этот момент.

Экспульсия является наивысшим моментом. Всего за несколько минут происходят радикальные и магические превращения: живот, наполненный тайнами, познавший разнообразные сексуальные впечатления, перевоплощается в уникальное и неповторимое тело и образ – в ребенка. У некоторых женщин возникает реакция ужаса или отвращения, когда им кладут на живот мокрого, покрытого выделениями новорожденного. Вызванный младенцем ужас может быть воскрешенным восприятием отвратительного животного или даже полового члена насильника. Но как только происходит освобождение, ребенок отделен, очищен и облачен в новую идентичность, забвение вновь входит в свои права. Новоиспеченная мать полностью сможет адаптироваться к новому существу. Рождение, таким образом, создает новую совершенную связь, связь без всяких по-

средников; материнское тело навсегда срастается с воспоминаниями о новорожденном.

Спокойствие и безмятежность во время экспульсии как бы отражает высокую психическую резистентность к этим подземным толчкам. На противоположном полюсе – глубоко помешанная женщина, давно госпитализированная, рождает после нескольких экспульсивных, почти безболезненных сокращений тело младенца, живого, но для нее неодушевленного, словно инертная каловая масса. Глубокая пропасть давно разверзлась между ней и любой живой репрезентацией. Врачи-акушеры получили те же результаты при наблюдении за родами молодых девушек, изнасилованных вражескими солдатами.

Очевидно, техника современного наркоза и тем более роды путем кесарева сечения призваны уменьшить все эти неуправляемые эмоциональные проявления и предложить большинству женщин спокойно пережить экспульсивную фазу родов. Но чаще это происходит за счет впечатления отстраненности, ирреальности ситуации, даже ее причудливости.

При благополучных родах что-то из тайных инцестуозных репрезентаций, возникших под влиянием ожидаемого в процессе родовых схваток соматического травматизма, удаляется и вскоре забывается. Однако забвение – словно рукопись, с которой стерлись первые письма. В. Гюго писал: «Случайность – и все, казалось, уже стертое навеки, вдруг снова оживает между строками в изумленной памяти»¹.

После родов

Активное сексуальное измерение родов забыто: на руках родителей новорожденный ребенок, такой чистый и не-

1 Victor Hugo, *Les travailleurs de la mer*, Paris, Gallimard, 1980.

винный, как будто его принес аист! Интенсивная сексуализация предшествующих моментов стирается молниеносно. Ангельность, то есть возвышенность чувств родителей и окружающих их лиц, теперь уже может излиться сполна.

Сложные, не поддающиеся пониманию формирования материнского бессознательного покинут воображаемую сцену, чтобы обосноваться в повседневной жизни с новорожденным. Однако наша память берет их себе на заметку, и быстро забытые пласты смогут возродиться вновь. В постоянных заботах, которыми мать окружает ребенка, будут и далее разыгрываться сценарии, продолжающие фантазмы и инцестуозные представления, предшествовавшие родам.

Младенец Карины появился на свет с легкой лобной гематомой. Из-за этой доброкачественной опухоли у молодой женщины возник навязчивый и парализующий страх, что она хочет ранить своего ребенка. Психотерапевтическая работа помогла ей справиться с этой навязчивой фобией. Она вспоминает о своем прошлом, о том вызывающем подростке, каким она была, и о своей фиксации на втором муже матери, которого она любила, и на насилии, которого она ожидала от него и которого боялась. Постепенно она смогла отличить настоящего младенца от своей тайной давней любви.

Незначительное обстоятельство (в этом примере шишка на лбу), бессознательно ассоциируясь со старой запретной инцестуозной фиксацией, может получить неожиданной оборот, непредсказуемо окрашивая даже самые ожидаемые роды. Так раскручиваются комплементарные серии психических действий [7].

Если, к несчастью, роды протекают плохо и ведут к физической травме матери или ребенка, тогда вновь возникают условия для создания травматического нев-

роза [2]. На самом деле даже самые обычные роды представляют собой соматическое испытание. В случаях, когда у молодых женщин во время беременности появляются проблемы физического порядка, возникает риск зияния уже приоткрытой психической брешы, ведущей к инцестуозным репрезентациям. Через нее могут просочиться кошмары, типичные для травматического невроза.

Послеродовой травматический невроз

Возникновение послеродового травматического невроза [2] – явление нечастое, оно показывает значение и роль инцестуозных репрезентаций.

Клиника травматического невроза хорошо известна. Спустя несколько месяцев после родов внезапно наступают депрессия, психическое пережевывание прошедших родов и повторяющиеся кошмары, которые не могут быть связаны с помощью ассоциаций, как это случилось бы в обычном кошмаре. Эти послеродовые кошмары повторяют первоначальную травматическую сцену без каких-либо изменений, без ее проработки.

Если упрощать теорию психоанализа, то может появиться неверное желание квалифицировать любой насильственный акт, связанный с родами, как травматический (и, таким образом, открыть дверь травматическому процессу!). Следует учесть, что тяжелые роды с многочисленными медицинскими осложнениями зачастую могут остаться без психопатологических последствий и, наоборот, нормальные с медицинской точки зрения роды могут иметь непредсказуемо ужасающие последствия.

Психическая травма, в фрейдовском понимании, свидетельствует о том, что произошло увеличение ли-

бидинального возбуждения и его не удалось снизить до обычного уровня. Травма делится на два периода: *первая сцена*, которая может быть создана первыми родами, ставшими травматическими потому, что из-за соматического усилия и насилия некоторые репрезентации, которые в норме вытесняются, могут сохраниться; и *вторая сцена*, которая вновь воскрешает первую по какой-то ассоциации. Воспоминание о первой сцене вызывает прилив психического возбуждения во время второй сцены. Психопатологические знаки появятся лишь при последующей беременности.

Следующее наблюдение может служить иллюстрацией вышесказанному.

Первая беременность Генриетты была тяжелой: акушерке пришлось обратиться к врачу-акушеру, чтобы он поработал щипцами и, к сожалению, этот клиницист споткнулся в конце экстракции. Ни ребенку, ни матери не было причинено никаких повреждений. Через несколько лет Генриетта снова беременеет, но она тут же становится депрессивной, все время возвращается к первой беременности, ее мучают кошмары. На протяжении этой новой беременности повторяющееся тревожное сновидение все время возвращает ее к этому воспоминанию ужасающей тональности: «врач падает» – вновь и вновь повторяет и напоминает ей сновидение.

Этот клинический случай, к счастью, редко встречающийся, показывает, какое место занимают инцестуозные представления на протяжении всего процесса родов и каков риск психической травмы, вызванной их появлением.

В заключение хочется отметить, что вопреки интеллектуализации и особенно идеализации, которыми окружены человеческие роды, психоаналитик-практик, работающий на поприще материнства, имеет возмож-

ность отметить решающую роль инцестуозных представлений, появляющихся на протяжении этих событий.

Литература

1. Balier C. *Psychanalyse des comportements sexuels violents. Une pathologie de l'inachèvement*, Paris, PUF, «Le Fil rouge», 4e ed., 1998.
2. Bydlowski M. *La dette de vie. Itinéraire psychanalytique de la maternité*, Paris, PUF, «Le Fil rouge», 1997.
3. Bydlowski M. *Je rêve un enfant. L'expérience intérieure de la maternité*, Paris, PUF, Odile Jacob, 2000.
4. Bydlowski V. «Interventions psychothérapeutiques a la maternité», in C. Squires et D. Candilis-Huisman (eds), *Nouvelles approches en psychopathologie périnatale* (a paraître).
5. Deutsch H. *La psychologie des femmes. Étude psychanalytique*, Paris, PUF, 1953–1955.
6. Devereux G. *De l'angoisse a la méthode*, Paris, Flammarion, 1980.
7. Freud S. *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse, 1915–1917*, GW, XI, trad. fr. *Introduction a la psychanalyse*, Paris, Payot, 1951.
8. Freud S. *Über die weibliche Sexualität*, 1931, GW, XIV, «Sur la sexualité féminine», в *La vie sexuelle*, Paris, PUF, 1989.
9. Freud S. *Die Weiblichkeit*, GW, XV, trad. fr. «La féminité», in *Les nouvelles conférences sur la psychanalyse*, Paris, Gallimard, 1936.
10. Racamier P.-C. *Le psychanalyse sans divan*, Paris, Gallimard, 1971.
11. Winnicott D. W. *De la pédiatrie a la psychanalyse*, Paris, PB Payot, 1969.
12. Winnicott D. W. *Les processus de maturation chez l'enfant*, Paris, PB Payot, 1080.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИНЦЕСТ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИМ ПОНЯТИЕМ?

Натали Зальцман

Жак Андре, предложив мне участвовать в семинаре, попросил обратить внимание на множественное число в его заглавии – инцесты.

Насколько я поняла, он имел в виду растущий размах публикаций в средствах массовой информации, где используется термин «инцест», а также то, что произошло смещение самого понятия инцест, которое раньше писалось в единственном числе, обозначая «главное сексуальное нарушение», относящееся к злоупотреблению и жестокому обращению взрослых с детьми, а в последние годы стало объединять различные нарушения, связанные с насилием в целом, с акцентом на их сексуальный характер. Возможно, следовало бы ограничить содержание этого понятия в аналитической практике, предотвращая его переход в социально-юридическую сферу.

ИНЦЕСТ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ И КУЛЬТУРНОМ ТОЛКОВАНИИ

В американском обществе, как мы знаем из средств массовой информации или по слухам, наблюдается феномен стирания разницы между психопатологическими действиями и бессознательными фантазмами. Этот феномен, считается, может спровоцировать принятие таких за-

конов, при которых психоаналитик может подтолкнуть пациента к возбуждению судебного дела против своих родителей, как только в анализе появится классический фантазм родительского соблазнения. Несмотря на то, что Фрейд проник на территорию бессознательного фантазма и инфантильной психосексуальности только после отказа от теории реального соблазнения, сегодня мы наблюдаем возрождение первоначального толкования эдипова комплекса; любое сексуальное действие связано с инцестуозными фантазмами (взрослого? ребенка?). Упрощенный психоаналитический взгляд на отношения между родителями и детьми и юридическая несогласованность приводят к тому, что понятию сексуального насилия приписывают совокупность социологических, моральных, юридических и психологических значений; психоаналитик же в своем кабинете едва ли сможет обнаружить хоть какую-нибудь фундаментальную характеристику, относящуюся к психоанализу. Аналитику не удастся найти следы эдипова комплекса как либидинальной бессознательной организации, образованной первичным фантазмом, то есть отмеченной первичным вытеснением. В противоправных актах взрослых по отношению к детям, быстро распространяющихся на социальной сцене, в актах, квалифицированных как инцестуозные, очень слабо просматриваются метапсихологические категории.

Каким образом противоправные, согласно гражданского и уголовного кодексов, действия, связываются в сознании общественности с психоаналитическими понятиями? Как происходит этот регресс мышления, эта путаница, которая установилась между актом и тем, что психически является его противоположностью, отрицанием акта, в том смысле, в котором невроз является отрицанием перверсии? Фрейд писал: «Фундаментом

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

невроза является возмущение Я против претензий сексуальной функции».

Здесь я имею в виду две категории фактов.

Первая категория описательная, социологическая, позволяющая пациентам, открывающим на основании своих горьких воспоминаний эдипову природу своей бессознательной жизни, обратиться в судебные инстанции для возбуждения процесса против соблазняющих родителей, а педиатрам смешивать насилие, связанное с жестоким обращением, с насилием сексуального характера. Такая социальная практика не несет ли она с собой новую форму пренебрежения и вражды по отношению к психоанализу, меняя местами акт, то есть действие, и бессознательную фантазию. Это заслуживает интереса и внимания аналитиков, поскольку речь идет о злоупотреблении свободным использованием психоанализа в общественной жизни.

Другая категория фактов, представляющая еще больший интерес для аналитика, касается способа, которым общество возвращает ему искаженное представление об особенностях психоанализа, *объединяя* все виды злоупотреблений, преступные, сексуальные и агрессивные акты под общим термином «инцесты». Выражаясь более точно, любое применение силы взрослого по отношению к ребенку становится формой нарушения запрета на инцест. Сексуальное насилие взрослого над ребенком очень легко путают с нарушением запрета на инцест (социальный инцест или инцест в психоаналитическом смысле, подверженный первичному вытеснению); иногда подозреваются тотально все взрослые, несущие ответственность за детей: родители, педагоги, воспитатели, врачи. Та легкость, с которой определяется «инцестуозная связь», и та травматическая и драматическая аура, которая ассоциируется с подозрением на инцест,

заставляет аналитика задать себе вопрос о том, какое место все это занимает в самом анализе и какое специфическое содержание он придает в своей практике терминам «эдипов комплекс», «инцест», «запрет».

Легкость, с которой используются эти термины, вынуждает задавать себе разные вопросы, чтобы ясно различать те метаморфозы, которые они претерпевают при их использовании вне психоаналитической сферы.

Я могла бы посвятить свою статью опровержению явных и скрытых аргументов, приводящих к смешению сексуального действия взрослого по отношению к ребенку и его определения как «инцестуозное». Это достойная задача. З. Фрейд не переставал задаваться вопросом об историческом ядре событий периода сексуального возбуждения в раннем детстве, его ретроактивной активации из-за травматических эффектов, связанных со второй категорией фактов, и его вкладом в формирование бессознательных сексуальных фантазмов. Имплицитный аргумент, который используется для оправдания включения всех преступных сексуальных актов, совершенных взрослыми с детьми, в категорию «инцестуозных», основывается на существовании прямолинейной связи между бессознательным фантазмом и актом (действием), но в этом нет ничего психоаналитического. Акт есть своеобразное превращение фантазма в какой-то вид действия. Этот вывод основан на сиюминутном, но обманчивом сходстве того, что происходит на бессознательном уровне, и того, что происходит явно, в действительности.

Сексуальный характер любви ребенка к своим родителям и родителей к своему ребенку – это психоаналитическое открытие одновременно инфантильной психосексуальности и эротического качества родительской

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

любви – бесспорно, лежит в основе любой генитальной сексуальности и всех социальных отношений.

Пространство метапсихологии простирается от латентного к явному, от вытесненного к акту, от бессознательных репрезентаций к симптоматическим актам; оно охватывает всю проблематику статуса запрета в психоаналитическом смысле и различий между социальными и психическими запретами. Что касается эволюции социальных запретов, социолог Ирен Тери, специалист-консультант по вопросам семейного законодательства при государственных органах, в своем неопубликованном сообщении¹ «Нормы и сексуальные запреты сегодня» особенно выделяет эволюцию юридических норм, согласно которым, исходя из Уголовного кодекса 1790 и 1810 года, вопрос свободного распоряжения собой доминирует в структуре социального восприятия сексуального нарушения. Отделяясь, таким образом, от церковного права, позволяющего и запрещающего что-то в сексуальной жизни, и определяя то место, которое занимает система родительства, инцест становится главным источником запрета; гражданское и уголовное право продвигают идею о праве субъекта и его согласии. Исходя из этого изнасилование постепенно стало парадигмой сексуального запрета. Акцент перемещается с самой сексуальности на насильственную сексуальность. Инцест, определенный в антропологическом смысле посредством системы родительства, указывающей на неприемлемость сексуальных отношений между родителями и детьми и генеалогически возможные с сексуальной точки зрения альянсы, теряет свой приоритет в качестве запрета, организующего социальную

1 Сообщение на Коллоквиуме «Pratiques de la folie: Experts de l'intime», juin, 1999.

сексуальность и затрагивающего в то же время понятие сексуального преступления. Последнее включает в себя все виды насилия: от покушения на достоинство несовершеннолетнего до самых тяжелых актов педофилии и злодеяний. Совокупность актов сексуального правонарушения вписывается в континуум под названием *инцестуозное насилие*.

В каком-то смысле это широкое юридическое толкование сексуальной преступности незаметно соединяется с двойным воздействием бессознательного запрета, который является одновременно и неразделимо и сексуальным, и преступным.

Невозможно прийти к выводу о наличии прямой связи между либидинальной организацией психики и сексуальной преступностью, определенной в гражданском и уголовном кодексе, постулируя универсальный характер эдипова комплекса, понятия в высшей степени метапсихологического, а не клинического.

Обсуждение существующих отношений между метапсихологическими понятиями и клиническим полем, выходящим за рамки непосредственной психоаналитической практики, приводит к серьезным затруднениям. И хотя тема «инцестов» ставит фундаментальную эпистемологическую проблему, похожую на проблему отношений между психоаналитической и психиатрической нозологией, я выбрала для обсуждения современное, на мой взгляд, чрезмерно расширительное понятия инцеста. Я полагаю, но это всего лишь мое предположение, что при отреагировании, при переходе к действию речь не идет о том, чтобы проиграть не вытесненный или плохо вытесненный инцестуозный фантазм. Речь идет скорее о сексуальной практике, в которой влечения разрушения и аффекты бессознательной ненависти преобладают над эротическими влечениями. В таком

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

случае партнер, скорее, является объектом для использования и для разрушения, нежели желаемым объектом любви.

Инцест, ЭДИПОВ КОМПЛЕКС ИЛИ ЗАПРЕТ

Уточняя, как действует *in vivo* проблематика инцеста, присутствие которого подтверждается в каждом случае терапии, я смогу поспособствовать уточнению различий между «инцестом» в единственном числе, в самом единственном из всех единственных чисел, инцестом в аналитическом смысле и «инцестами» во множественном числе в смысле симптоматических социально-психиатрических юридических актов. Действительно, когда тематика инцеста присутствует в каждой терапии, она обнаруживается в разнообразных формах нерешительности, когда речь заходит о запрете на него без участия прямых репрезентаций.

Хотелось бы подчеркнуть, что инцест – это не специфически психоаналитическое понятие. Совсем не через понятие инцеста мы можем подойти к тому, что Фрейд назвал комплексом Эдипа, а через понятие табу, затем – запрета. Запрет появляется лишь с момента, когда он налагается на сексуальную любовь ребенка к каждому из родителей, и тогда этот запрет принимает психическое качество нарушения преступного эротического свойства, достойного осуждения, от которого ребенку придется отказаться. Лишь с момента, когда ребенок сталкивается с невозможностью реализовать свои любовные желания, то есть когда сын не может обладать матерью, а дочь не может родить ребенка от своего отца, наброски принципа реальности начинают приобретать четкие очертания, а сам принцип реальности начина-

ет доминировать над принципом удовольствия. С этого момента понятие любви становится инцестуозным, то есть квинтэссенцией желания, желания того, что невозможно реализовать; в то же время желание запрещается сознательными репрезентациями или исчезает под влиянием вытеснения, забвения, даже форклюзии, как сказали бы некоторые авторы (С. Леклер), в то время как его след, сам по себе бессознательный, остается лишь в форме идентификации с объектом, от которого пришлось отказаться.

Сейчас любая история человека, индивидуальная или коллективная, вписывающаяся внутрь эдиповой либидинальной организации, кажется тривиальной, но она маскирует замысловатость феномена, сложность исходов и последствий. Выдвинутая мною гипотеза – всего лишь одна из возможных точек зрения, которые могут служить ориентиром для использования понятия эдипова комплекса и понятия инцеста, скорее даже первого, чем второго.

Хотелось бы показать, что в анализе мы встречаемся лишь с негативными формами, контринвестициями инцеста и эдиповой структуры в виде фобических формирований, которые своим постоянным подталкиванием к избеганию свидетельствуют о вечно живой притягательной силе Эдипа. Лишь бредовые идеи, такие, как мысль председателя Шребера, «что было бы прекрасно быть женщиной, подлежащей совокуплению» (с мужчиной или с Богом), дают прямую формулировку репрезентации инцестуозного сексуального акта, но даже здесь объект желания, отец, появляется в образе Бога.

Эдипова либидинальная организация не принадлежит лишь психоанализу. Она требует реконструкции, приобретая форму лишь во втором периоде, периоде пе-

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

рестройки; она утверждается за счет своих эффектов и динамических последствий как невидимая архитектура духа, как виртуальная арматура психической жизни, опираясь на которую могут стать понятными превратности любовной жизни и невротические, психотические и перверсные организации. Не в том смысле, что эти симптоматические образования, обычные или причиняющие страдание, способствовали бы актуализации или повторению эдиповой драматургии, имевшей место в инфантильном прошлом: обладание матерью, убийство отца, а также различные неудачные попытки обойти запрет на инцест, а в превращении отказа из невозможного в более или менее удачное возможное.

Поддерживая в целом эту точку зрения, мы понимаем, что инцест существует на протяжении всей психической жизни, начиная с его первичных форм, а также в виде фобий. Инцест редко подталкивает к действию, скорее, он пробуждает такие защитные механизмы, как избегание и отрицание; в бессознательном инцест обнаруживается только в виде своей противоположности, а именно борьбы с ним, которая не заканчивается, покуда в запрете на инцест существуют прорехи. Иными словами, Эдип для психической эволюции важен не сексуальным обладанием, не убийством соперника, а неустанным созданием преград и новых территорий, образованием запрета, укорененного в завершающейся сексуальной и нарциссической либидинальной эволюции.

Запрет не является данностью, чем-то, существующем изначально, чем-то, уже установленным, с чем должен был бы считаться и принять для себя каждый индивидуум на протяжении своей либидинальной эволюции, как принимаются законы природы. *Запрет есть потенциальная возможность.*

Запрет уже существует в каждом с рождения, он появляется в результате способности родителей к вытеснению. В то же время он постоянно находится на грани капитуляции, всегда в процессе созидания.

Вот клинический пример, который демонстрирует загадочный характер запрета. Речь идет о матери, которая родила «хрустального» ребенка, страдающего болезнью костей, из-за чего любой уход за ним, любое *соприкосновение* становится в высшей степени проблематичным и даже опасным. Какой бы ни была органическая причина болезни, для матери и для ее ребенка тело младенца становится сценой для запрета *соприкосновения*. Движимая своими фантазмами, молодая женщина в поисках запретной страховки родила ребенка, до которого нельзя дотрагиваться.

Для всякой матери ребенок представляет собой высшую форму нарушения запрета, исполнение самых ярких инфантильных желаний: родить ребенка от матери, затем от отца. Но в то же время своим существованием во плоти и крови, своим реальным присутствием ребенок вытесняет и заменяет инцестуозного ребенка, о котором мать лишь мечтала. Для того чтобы женщина могла инвестировать ребенка, о котором заботится, чтобы она могла желать его на самом деле, необходимо, чтобы тот другой, из фантазма, подвергся бы вытеснению. Кстати, в рассказе о рождении неприкосновенного ребенка уже существует настоящее отделение инцестуозного желания от больного ребенка. Для матери этот реальный ребенок является тем, которого она рискнула бы трогать инцестуозно и которого болезнь предохраняет от этого, в то время как ее ничто не смогло предохранить от психической и даже физической грубости со стороны ее собственной матери.

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

Пьерра Оланье пишет: «Ребенок является тем, кто в реальности свидетельствует о победе материнского Я над вытеснением, но в той же степени (и в этом парадокс ситуации) ребенок является тем, кто остается ближе всего к объекту бессознательного желания». П. Оланье формулирует это по-другому: «Ребенок в реальности находится на минимальном расстоянии от одного и того же объекта, вызывающего максимальную силу вытеснения». Или: «Сам ребенок является твердыней, охраняющей мать от возвращения ее собственных вытеснений»¹.

ТАБУ НА ПРИКОСНОВЕНИЕ

Я преднамеренно решила проиллюстрировать инцест и запрет на инцест рассказом о младенце, которого опасно *трогать*. З. Фрейд устанавливает *табу на соприкосновения* как центральную точку системы запретов, находящуюся на пересечении между Эросом и деструкцией, на пересечении нарушения запрета на инцест и нарушения запрета на убийство. Эрос, пишет Фрейд, означает прикосновение, разрушение также предполагает «рукоприкладство».

Запрет соприкосновения объединяет сексуальный запрет и запрет разрушения.

«Если возникает вопрос, почему избегание прикосновения, контакта, заражения играет значительную роль при неврозе и становится содержанием сложных систем, мы ответим, что прикосновение, телесный контакт является сиюминутной целью как агрессивной инвестиции, так и нежной инвестиции объекта. Эрос же-

1 Piera Aulagnier, *La violence de l'interprétation*, PUF, p. 140–141.

лает соприкосновений, потому что жаждет соединения, стирания пространственных границ между Я и любимым объектом. Так же и деструкция, которая, до изобретения оружия, действующего на расстоянии, должна была осуществляться в таком тесном пространстве, когда прикосновения к телу на расстоянии вытянутой руки были неизбежны»¹.

В работе *«Тотем и табу»* Фрейд пишет: «Глубокое отвращение, которое человек испытывает к своим давним инцестуозным желаниям, побуждает его к установлению вокруг фигуры умершего отца системы запретов, которая способствует избеганию контакта, речь идет о двойном запрете прикосновения как для убийства, так и для инцеста».

Через двойной запрет прикосновения мы сталкиваемся в анализе непосредственно с инцестуозной темой. Проверая эту гипотезу, я вспомнила выступление Жака Андре, озаглавленное: *«Точка прикосновения»*. К сожалению, я не могу предложить вам ознакомиться с его содержанием, так как его доклад не предназначался для печати. Сложность моих отрицаний сверхопределена моей собственной неловкостью: дозволено ли мне прикоснуться или нет? Аналитическая работа буквально сводится к обнаружению элизии отрицания в словах пациентки: «Пока я говорю, – поведала она, – я думаю, что вы не здесь». «Лишь регулярный, без исключения, характер отказа пациентки от употребления частицы „не“ смог меня убедить, что следовало бы наполнить слова „быть ничем“ или „не быть“ позитивным смыслом, который несет в себе выявление отрицания» (Жак Андре). История этого анализа, как и многих других, а также анализа обсессивных больных связана с усилиями

1 S. Freud, *Inhibition, symptôme et angoisse*, PUF, p. 44.

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

по установлению и в то же время избеганию точек соприкосновения, как и указано в теме доклада: тронуть аналитика, быть задетым его словами и аннулировать эти точки контакта. Элизия отрицания в формулировке: «Пока я говорю, я думаю, что вы не здесь», не говорит ли это о степени неопределенности запрета? Если «не» из фразы «не трогать» не выбрасывалось бы, а использовалось, может быть, присутствие аналитика возле пациентки перестало бы быть таким проблематичным или даже опасным?

НАСЛАЖДЕНИЕ ИЛИ УДОВОЛЬСТВИЕ— НЕУДОВОЛЬСТВИЕ

Прокомментируем ниже три работы, чтобы продемонстрировать пуповинный характер инцеста, такой же таинственный, как и пупок из сновидений, и, несмотря на это, такой же постоянно реконструируемый запрещающими его формами. Рассмотрим их в порядке убывающей сложности, от книги Жоржа Батайя «Моя мать» к книге «Эдип в Винсенне» Сержа Леклера и, наконец, к книге Филипа Рота «Случай Портного».

Итак, Жорж Батай. Самый трудный.

Как известно, «наслаждение» не является фрейдовским термином, а точка зрения Лакана о результатах анализа без этого термина была бы непонятной. «Наслаждение» появляется на горизонте анализа тогда, когда Я обнаруживает крах воображаемых позиций, крах объекта *a* и доступ к реальности, там, где он уже не занимает позицию суверенной значимости. *Наслаждение есть своего рода точка тотального соприкосновения между Эросом и Танатосом*, когда отменен любой запрет прикосновения. Я не знаю, соответствует ли моя формулиров-

ка ортодоксальной точке зрения Лакана, но я полагаю, что это лакановское понятие касается существования психического горизонта, где происходит крах и распад всей фантазматической организации с ее защитной ролью и в соответствии с этим крах любого признака идентификации, во время которого сексуальные влечения достигают точки невозврата, достигая цели Танатоса.

Вот что пишет Жорж Батай об инцесте:

«В тот же день, когда моя мать поняла, что она должна, в конце концов, уступить, поднять завесы, которые направили бы меня к ней, которые направили бы ее ко мне, все ее колебания прекратились и она покончила с собой». Невозможно ярче выразить монолитное слияние секса и смерти в инцесте и способ действия запрета на него, призванного защитить каждого субъекта от этой точки контакта, являющейся не встречей желающих друг друга тел, а точкой, в которой секс и смерть становятся неразделимы.

А вот что еще говорит поэт-прорицатель: «Она (мать, желающая своего сына) была безумной в прямом смысле этого слова». «Если бы мы воплотили это помутнение нашего рассудка, каким являлась мерзость совокупления... я бы перестал замечать, как бредит мать, видя меня; моя мать перестала бы замечать, как безумствую я, глядя на нее... Мы бы потеряли чистоту нашего невозможного желания». Инцестуозная любовь принадлежит к разряду невозможного. В возможности такого желания содержится лишь деструкция. В своем творчестве писатель сталкивается с непреодолимым препятствием, с безумием, а не действием.

«В пустыне, в которой она горела, – пишет далее Батай, – ей хотелось, чтобы вместе с ней мерзким образом разрушилась молчаливая красота существ, анонимных и бездушных».

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

Инцест, это загадочное явление, обратная сторона всех психических образований, мобилизованных для борьбы с запретом на контакт, инцест граничит со смертью. В одном из последних писем матери к сыну, перед их предсмертной встречей, она пишет: «Твоя ошибка состоит в том, что ты предпочитаешь удовольствие извращению». В действительности наслаждение и удовольствие не относятся к одному и тому же психическому регистру. Более того, они исключают друг друга, как перверсия, претворенная в действие, и невроз, негатив перверсии.

Лакановская метапсихология наслаждения и фрейдовская метапсихология, полностью выстроенная вокруг запрета и экономии удовольствия, эти две метапсихологии не выявляют либидинальных организаций бессознательного желания, которые были бы идентично переданы на языке Лакана или Фрейда. Для З. Фрейда эдипальная организация – это либидинальный тупик, выходом из которого было бы разрушение этой организации, то есть удачное вытеснение и окончательное и стабильное установление запрета на инцест и на убийство. А точнее, как он пишет в *«Исчезновении эдипова комплекса»*: «Процесс (при котором Я отдаляется от эдипова комплекса) есть больше, чем вытеснение; он равносителен, если все происходит идеальным образом, разрешению и разрушению комплекса. Можно допустить, что мы коснулись границы, достаточно условной, между нормальным и патологическим. Если кроме вытеснения комплекса Я действительно не удалось ничего, тогда последний продолжит существовать бессознательно в Оно, а позже проявится посредством своего патогенного эффекта».

В этой статье Фрейд использует радикальные термины: Эдипов комплекс исчезает. Он разрушен.

Сейчас посмотрим, что говорит нам Серж Леклер в «Винсенне» в том анархическом или считающимся таковым 1968 году¹.

«Инцест, сексуальное наслаждение матери, является моделью наслаждения... абсолютным, следовательно, запретным наслаждением. Но что означает наслаждение матери? Одним словом, что такое наслаждение?

Это что-то связанное с нарушением и отменой границ». В эпоху своего увлечения теорией, С. Леклер признавал за материнской функцией определение границы, границы, отделяющей биологическое тело от эрогенного тела ребенка.

Отмена этой границы, сексуальное использование материнского тела невозможны, но это происходит при нарушении материнской функции. А установление запрета является одновременно и гарантом недоступности этого наслаждения, сохраняя при этом материнскую функцию и переходя от метапсихологии наслаждения к фрейдовской метапсихологии удовольствия и неудовольствия, которые С. Леклер определил как «эта умеренная форма, в которой границы временно затуманены».

И еще: «Разрушение этой границы одновременно подавляет любую возможную эрогенность, или, по крайней мере, так все запутывает, что биологическое уже не отличается от эрогенного».

Точку зрения С. Леклера, высказанную прежде всего в главе под названием «О наслаждении», следует принять во внимание. Я полагаю, что, исходя из этого понятия, которым он широко пользуется в своей практике, он указывает на два фундаментальных направления, два регистра возможных целей анализа. Один регистр умеренный, эдиповый, исключая инцест. Второй нахо-

1 S. Leclair. *OEdipe a Vincenne*, Fayard, 1999.

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

дится в прямой связи с психическим безумием, «где этот истинно инцестуозный опыт имеет знаменательный, необратимый и неизгладимый характер, в котором все, что связано с границами, было полностью разрушено».

Материнская функция как предел, как невозможный инцест, устанавливает радикальный барьер между наслаждением и смертью, с одной стороны, и между фрейдовскими системами удовольствия и самосохранения, которые могут действовать в жизнеспособном конфликте – с другой.

С. Леклер не оспаривает существование инцестуозного опыта как такового. В своей книге *«Разоблачение реального»* он приводит аналитические отрывки, относящиеся к инцестуозному опыту, «уловимым на уровне исполнения *парциального сексуального влечения*», где видно, как далеко мы находимся от инцестуозного акта в повседневном, антропологическом, социально-юридическом смысле. Он указывает, что анализ в таких случаях ставит на то, чтобы «вновь найти (я бы сказала – установить) определенную невозможность иметь доступ к нему». Эдипово, инцестуозное желание является явно выраженным запретом.

Касается ли запрет наслаждения или эдиповых бессознательных фантазмов, ясно одно: конечная участь инцестуозной либидинальной организации состоит в ее разрушении, согласно Фрейду, в ее форклюзии, по Леклеру, в ее полном вытеснении, как сказала бы Оланье. Именно это утверждение Оланье послужило исходным пунктом наших рассуждений. Она говорила, что в анализе невроза никогда не проявляются прямые репрезентации инцестуозного желания. В свое время я с сомнением отнеслась к этому ее утверждению, поскольку мне казалось, что, так или иначе, речь об этом идет в любом анализе. Можно добавить, что, так или иначе, но точно

не напрямую, за исключением разве что вторичных репрезентаций, но не бессознательных фантазмов. Сейчас я полностью согласна с этим справедливым утверждением, но задача анализа кажется мне еще сложнее.

Мне хотелось бы завершить эту ретроспективу несколькими мыслями об инцесте в юмористической версии Филипа Рота из его книги *«Комплекс Портного»*. В центре книги – мать-еврейка, которая определяет общую культурную сущность маленьких историй, касающихся избытка материнской любви. Юмористическая находка Ф. Рота: быть наказанным матерью тем, что она *«запирала его на улице»*. И этот несчастный малыш страдал всю жизнь из-за необъяснимой вины, обделенный любовью матери, вынужденный стоять перед закрытой дверью дома, обреченный погибнуть от одиночества в огромном мире, где было все, кроме его матери.

И вот сцена разделенного инцестуозного сладострастия: «Она села на край кровати, в корсете, в стеганом лифчике и начала спускать чулки, болтая ни о чем. Кто самый дорогой птенчик у мамы? Кого мама любит сильно-сильно, больше всех на свете?»

«Я таял от счастья, не отрывая глаз от медленного, тревожно-преlestного спускания плотно прилегающих прозрачных чулок, придающих коже оттенок волнующих изгибов... Ах, мне хотелось стонать от удовольствия! Мне было четыре года, и тем не менее я чувствовал в крови бунт» и т. д.

Ставший взрослым, этот мальчишка, влюбленный во всех женщин и большой ловелас, возвращается однажды в Израиль. «И... доктор (ибо вся книга адресована психоаналитику), доктор, в государстве Израиль я не мог наслаждаться сексом! Что это символизирует, дружище? Неспособность к эрекции на Земле Обетованной!»

Является ли инцест психоаналитическим понятием?

«Следовательно, это и есть апогей эдиповой драмы, да, доктор?

Oedipus Rex – замечательная трагедия, болван, а не еще одно надругательство!

Вы садист, шарлатан и мерзкий паяц!»

Однако последнее слово остается всегда за психоаналитиком.

Послушав историю любовных терзаний Портного, начиная с раннего детства до краха его взрослой сексуальной жизни, мерзкий паяц говорит своему пациенту:

«Итак, – говорит доктор, – возможно, мы уже сможем начать, а?»

ФОРМЫ ИНЦЕСТА. ИСТОРИЯ И ПРЕДЫСТОРИЯ

Моник Курню-Жанэн

Яограничусь здесь рассмотрением инцеста между родителями и детьми, оставляя вне поля зрения моих интересов инцест брат/сестра, несмотря на то, что он представляет интерес из-за смещения, а также и ослабления запрета, поскольку в этом случае отрицается разница между поколениями. Итак, я отказываюсь отправляться к берегам Нила в поисках Изиды, которая пыталась заново слепить из остатков тело своего мертвого мужа и брата Осириса. Плодотворный инцест, ибо Гор, их божественный сын, родит первого фараона...

Как же не попасть под очарование мифов о началах мироздания?

Считается, что партогенез стоял у истоков мира. Гея, богиня земли, родилась из Хаоса. В свою очередь, также партогенетически Гея порождает Урана, небо. Он растянулся над ней (первая сексуальная связь) и рожал с ней детей, а так как он оставался все время распростертым над Геей, в непрерывном совокуплении, этим детям никак не удавалось выйти из живота их матери. Тогда Гея изнутри вооружает одного из своих сыновей, Хроноса, садовым ножом; кастрируя своего отца, он, таким образом, позволяет братьям и сестрам родиться. Итак, инцест и кастрация лежат в основе всего сущего, что так хорошо описал Жан-Пьерр Вернан в своей книге «Мироздание, боги, мифы». Инцест и кастрация составляют сердцеви-

ну мифов, структурируют наше общество и составляют сущность нашего бессознательного.

Что касается именно инцеста, то желательно уточнить несколько моментов. Наблюдая за главными героями, рассмотрим гамму возможных ситуаций.

ОТЕЦ И ЕГО ДОЧЬ

Говорят, что инцест отец/дочь самый известный и самый распространенный. Здесь я опираюсь на три источника: в первую очередь, на Фрейда, затем на антропологов, которым позже предоставлю слово, и, наконец, на свой собственный опыт работы в центре для несовершеннолетних.

а) Фрейд и Катарина

Давайте вспомним это интересное наблюдение, описанное в «Исследованиях по истерии»¹.

История случилась на высоте 2000 м, на туристической базе. Внучка заведующей горной туристической базы исповедует Фрейду. Узнав, что он врач, она жалуется на удушье, а Фрейд тут же обнаруживает, что речь идет о приступах тревоги. По мере того как Фрейд спрашивал, а Катарина отвечала, описание ее приступов дополняется деталями: «Я все время представляю себе, что за моей спиной стоит кто-то, и вдруг он хватает меня <...>. Я вижу отвратительное лицо, смотрящее на меня, и оно кажется мне ужасным». Продолжая рассказывать все это Фрейду, Катарина указывает на начало приступов: пять лет назад, когда она жила со своей

1 S. Freud et J. Breuer, *Études sur l'hystérie*, PUF, «Bibliothèque de psychanalyse», 13 ed. (1996).

тетей в другом месте, она «увидела своего дядю с Франциской, своей двоюродной сестрой, лежащим на ней». Она почувствовала, что задыхается, и ей стало очень плохо. Катарина говорит, что в тот момент она ничего не поняла. «Мне было всего 16 лет, не знаю, почему мне было так страшно». Затем она говорит: «У меня был такой шок, что я все забыла». Однако она все же вспоминает, что болела три дня подряд. Фрейд подсказывает ей, что, возможно, что-то вызвало у нее отвращение. Катарина вспоминает последствия этой сцены: она рассказала об этом своей тете, потом последовали неприятные сцены между ней и дядей и тетя уехала с ней туда, где они находятся и сейчас, оставив дядю с Франциской, беременной, на туристической базе, где они отдохали.

Лишь позже Катарина смогла вспомнить и рассказать два других случая, произошедшие за два-три года до травмирующего эпизода: проводя ночь в трактире во время одной экскурсии, она проснулась, «чувствуя тело дяди» в своей кровати. Она приводит следующий диалог: «Что ты делаешь, дядя, почему ты не лежишь в своей кровати? – Да молчи ты, маленькая глупышка, ты не представляешь, как хорошо так. – Мне твое „хорошо“ не нравится, и ты не даешь мне спать!» Другой раз ей пришлось защищаться от него, когда он был пьян. Она приводит и другие сцены, происходившие раньше между дядей и Франциской. Фрейд спрашивает ее, подозревала ли она тогда что-нибудь.

«Нет, я ничего не подозревала, я только увидела их и ничего больше». Вдруг Катарина почувствовала облегчение: «Ее мучили, объясняет Фрейд, два вида переживаний, о которых она вспоминает, не понимая их, будучи не в состоянии сделать какой-либо вывод; при виде совокупления пары она моментально связала новое впечатление с теми двумя реминисценциями; она нача-

ла понимать и в то же время защищаться от этого понимания. Последовал короткий период проработки, «инкубации», лишь затем появились симптомы конверсии, рвота... Не вид пары вызвал у нее отвращение, а *воспоминание*¹, вызванное этой сценой, которое, в конце концов, было воспоминанием о той ночи, когда она оказалась рядом с дядей, «тело которого она ощутила». «Ужасная голова», видение, которое появлялось во время ее приступов, могло тогда связаться с тем, как выглядело лицо дяди, разгневанного на нее за то, что она все рассказала тете.

Отметим мимоходом чрезвычайно богатый для теоретизирования материал, содержащийся в этом коротком наблюдении. Здесь ясно проявляется то, что много позже Фрейд будет рассматривать как ретроактивный эффект, в том числе латентное время между этими двумя сериями происшествий. Феномен расщепления будет им определен в качестве метапсихологического понятия лишь в 1937 году.

На самом деле в комментарии, написанном в 1924 г., Фрейд уточняет, что речь, собственно, шла о попытке инцеста отец/дочь: наблюдение касалось отца, а не дяди.

Кстати, мы можем предположить также, что эта короткая встреча имела катартический эффект; много лет спустя Винникотт будет говорить о «лечебной консультации».

б) Касаясь парадигматической ситуации инцеста отец/дочь, мы можем отметить, что в социуме, как и в бессознательном, возникает множество подобных ситуаций.

Самой распространенной является связь дочерей с отцами, которая отсылает к проблематике экзогамии

1 Курсив мой (прим. авт.).

и смены партнеров у женщин, как их описал Леви-Стросс в «Элементарных структурах родительства». Эта проблематика уже рассмотрена Марселем Моссом¹ и в работах Мориса Годелье². Но я не намерена касаться этого, моя задача более скромная, она касается клиники.

в) Несколько лет назад был создан центр для несовершеннолетних. Этот центр принимал юных пациентов в остром состоянии круглосуточно 360 дней в году. Мы отправляли сообщения родителям лишь с согласия тех молодых людей, которые поступали в центр, и потому можно было начинать работу с пациентами, находящимися в остром состоянии, и параллельно работать с их родителями. В этой работе мы достаточно часто сталкивались с сексуальностью.

Я приведу три модели отцовской реакции, которые мы можем назвать инцестуозными в том смысле, который вкладывал в это понятие Поль-Клод Ракамье³.

ПЕРЕКРЕСТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОТЕЦ/ДОЧЬ

Я вспоминаю девочку, еще почти ребенка, прячущуюся в приемном отделении приюта, так как она попала в историю, в которую трудно было поверить. Она любила общаться со школьными товарищами, с которыми выходила из школы после окончания уроков. Ее отец боялся, что окрестные хулиганы могут пристать к его дочери, и следил за ней шаг за шагом после школы. Как избежать

1 М. Mauss, *Manuel d'ethnographie*, Pazot, 1947.

2 М. Godelier, *L'enigme du don*, Fayard, 1996.

3 P.-C. Racamier, *L'inceste et l'incestuel*, Les Éditions du Collège, 1995.

наказания? Девочка рассказала... о том, что представлял собой ее отец: он говорил ей, что то один, то другой мужчина преследует ее и поэтому она должна по дороге в школу петлять, чтобы замести следы... Отец предупреждал полицию и следил за дочерью еще внимательнее, когда она возвращалась домой. Однажды она совсем забыла о времени и пошла обедать к одной школьной подруге вместе с другими девочками. В ужасе, опоздав на три часа, она рассказала отцу (что-то подобное она увидела по телевизору или услышала по радио), что ее похитили неизвестные мужчины, они зажали ей нос ватным тампоном, и она проснулась с наступлением темноты лишь много времени спустя, совсем одна. Ошалев от тревоги и гнева, ничуть не сомневаясь в подлинности рассказа, отец с того момента ежедневно сопровождал ее в школу, а она задыхалась от его присутствия. Однажды ей удалось сбежать... Когда мы приняли ее, нас страшно удивила разница между, с одной стороны, ее детским видом и манерой речи, и, с другой стороны, ее странной, вызывающей манерой одеваться, присущей взрослой женщине: очень короткая юбка из черной кожи и колготы. Встреча с ее отцом прояснила нам все: одежда девочки, в том числе колготы, была скопирована с его одежды: он сам носил кожаные брюки и кожаную куртку; он наряжал ее так, бессознательно провоцируя соблазн у других мужчин, который он сам так старательно в себе подавлял. Проецируя на дочь свою бессознательную гомосексуальность, одевая ее подобным образом, несмотря на то, что она не достигла даже пубертата, он таким образом предлагал себя на обозрение других мужчин.

Была ли ее мать отверженной или депрессивной? Мы ее так и не увидели, она отсутствовала в рассказах как дочери, так и отца.

Что касается девочки, она функционировала на двух уровнях: один, соответствующий ее возрасту, психическому и физическому развитию, был уровнем ребенка, который еще не достиг половой зрелости; другой был уровнем идентификации с отцовским бессознательным желанием. Ее отец, сам того не ведая, ясно показал, как организованы его влечения, оговорившись и заявив: «Я слежу за ней, я ни в коем случае не хочу, чтобы мною обладали эти негодяи».

ОФИЦИАНТКА И КЛИЕНТЫ

На этот раз речь действительно пойдет о подростке. Работая официанткой в кафе своих родителей, она была объектом подтрунивания со стороны клиентов; отец обвинял ее, что она их провоцирует, и угрожал запереть ее на ключ. В разговоре по телефону, он произносит: «Если она не вернется, я убью *ее*»; мать дополняет картину: «Если она не вернется, я убью *себя*». Эти две фразы подчеркивают, насколько разными являются формы, в которых родители реагируют на взрывоопасную половую зрелость дочери. Отец чувствует себя обделенным или даже из-за женской идентификации гомосексуально спровоцированным, мать же чувствует себя виноватой: с чем она не справилась, что ей не удалось донести до своей дочери, чтобы она не подвергала испытанию спокойствие семьи?

СТАТЬ ИЛИ НЕ СТАТЬ ПОТАСКУХОЙ

Ей было 18 лет, и она несколько раз приходила в центр не для того, чтобы спрятаться в нем, а для того, чтобы исповедаться, чтобы поговорить об «участи», которая,

как она боялась, может ее постичь. В период достижения пубертата, когда мужчины стали засматриваться на нее на улице, она подвергалась вербальной агрессии со стороны отца; подростковый возраст дочери создавал для него нестерпимую ситуацию: она уже была не «его» маленькой дочуркой, а женщиной, что подтверждалось взглядами засматривавшихся на нее других мужчин. Лишенный, таким образом, власти над ней, он защищался от контрэдиповых желаний, которые ускорили бы все и подтолкнули бы его к инцесту; в то же время его терзала ревность к тому воображаемому мужчине, который мог бы овладеть ею: итак, он не переставал говорить своей дочери, что она станет уличной девкой, он говорил ей, что она станет «женщиной всех», потому что он единственный, кто не мог обладать ею... а девушка под напором его слов, звучавших как приказ, призналась, что она могла «услышать его слова» и действительно стать потаскухой...

В этих рассказах, как мы видим, присутствует взгляд мужчин на девушку, в том числе и воображаемый взгляд.

Таким образом, у разных отцов, похоже, перед инцестуозным соблазном происходит регрессия анального типа, стремящаяся защитить свою власть над объектом, который принимает характер частичного объекта: дочь – экскремент; затем намечается риск женской идентификации с объектом, которого взгляды других трактуют как желаемый; стремление к женской идентификации, о которой мы знаем, что в бессознательном она означает кастрацию. Фрейд, вопреки оптимистическому заглавию «Разрешение эдипова комплекса»¹ признавал, что в бессознательном страх кастрации присутствует постоянно.

1 1923, в *La vie sexuelle*, PUF, Bibliothèque de psychanalyse, 1985.

Обратим внимание на трудности подростка с присвоением себе взрослой сексуальности. Реже говорится о психических усилиях, которые приходится предпринимать родителям, когда их ребенок достигает подросткового возраста.

Для любого отца критическим является тот момент, когда он видит, да еще и получает этому подтверждение во взглядах других, что его дочь стала женщиной. Если годы, предшествующие пубертату, прошли в доверительных отношениях с родителями и между родителями и ребенком установились достаточно прочные и нежные отношения, тогда этот момент легче проработать. Намного труднее приходится тогда, когда реальность жизни не позволила организовать совместное проживание, которое благоприятствовало бы отношениям такого рода.

ИНЦЕСТ ОТЕЦ/СЫН

Продолжим перечень разных ситуаций инцеста, остановившись на инцесте отец/сын. История Лая, обманом похитившего сына царя Пелопса, приютившего его в изгнании, является отправной точкой проклятия Лабдакидов, вызвавшего преступление его сына, Эдипа, который должен был быть принесен в жертву во избежание убийства отца-педофила.

Фильм «Торжество»¹ повествует о публичном обвинении со стороны сына, который во время семейного торжества в честь своего отца раскрывает инцест, совершенный над ним отцом.

Интересен рассказ мальчика, не достигшего еще половой зрелости, склонного к полноте, прибежавшего

1 Т. Винтерберг; датский фильм, 1998.

в подростковый центр; его отец принуждал к невозможным для него деяниям и выборам: он, которого это совсем не привлекало, должен был показывать хорошие результаты в мужских соревнованиях и терпеть упреки, что он похож на свою мать.

История родительской пары дает нам ключ к конфликту отец/сын: жена этого мужчины, мать мальчика, бросила мужа ради другого мужчины. Впоследствии преданный отец замкнулся в себе, устраивал в своей местности спортивные состязания, открыл клуб для мальчиков. Он обвинял сына в «пассивности», высказываясь в его адрес: «Можно подумать, что ты женщина». Так как жены у него не было, инвестиция объекта оставила место для идентификации с утраченным женским объектом, которая была для него невыносимой, и он проецировал ее на своего сына, сам оказываясь вовлеченным в фаллическую гомосексуальную эскалацию.

МАТЬ

Мы могли бы рассматривать инцест мать/ребенок в двух возможных формах: с сыном и с дочерью.

Фрейд указал на общий климат этого инцеста, предлагая четвертый первичный фантазм о возврате в материнскую утробу. Он писал, что в период инфантильного сексуального развития в связи с уходом за ребенком мать является первым лицом, которое его соблазняет (это встречается в историях, относящихся к инцесту мать/дочь).

Если инцест мать/сын традиционно самый запретный, то инцест мать/дочь скрыт гораздо глубже и менее заметен.

ИНЦЕСТ МАТЬ/СЫН

Имеются знаменитые описания этого вида инцеста как в литературе, так и в области кинематографии. После Иокасты и Эдипа мы находим его правдоподобное изображение в фильме «Осужденные на муки ада» Висконти и в «Последнем дыхании» Луи Малля. Нам также известно, что для психиатров конца XIX века такой инцест мог быть лишь результатом «двойного помешательства» (*folie à deux*).

На самом деле, имеется гамма уловок, позволяющих избежать инцеста, сохраняя в то же время широкую гамму пикантности, ибо мать и ее ребенок любого пола вступают ласковый физический контакт, полный забот, нежный, пронзительный... Продолжая эту идею, хочется заметить, что сыновья могут воспользоваться отцовской идентификацией и полов, отличным от пола матери, пенетрирующим пенисом. У дочерей этого нет.

ИНЦЕСТ МАТЬ/ДОЧЬ

А можно ли говорить о таком инцесте? Можно ли его осмыслить? И если его нельзя осмыслить, рассказать словами, не является ли он все же основополагающим, из которого потом возникают все остальные?

Является ли описанное Кристин Анго в ее книге «Инцест» переживанием инцестуозного слияния, когда сначала передаются страдания и страсти гомосексуальной синкретичной связи, чтобы затем дать нам прочувствовать, что речь идет о пережитом в детстве инцесте со своим отцом? Бесспорно, отцовский инцест не обязательно ведет к гомосексуальности, но связь мать/дочь посредством идентификационной редупли-

кации с «такой же» призывает появление отцовского имаго, чтобы произошла сепарация. Необходимо, чтобы такое имаго было надежным, чтобы обеспечить разделение, десексуализацию пары мать/ребенок.

Говоря о девушке, Фрейд описывает предэдипальный период, ее любовь к матери, столь давнюю и так глубоко спрятанную, что она лишь с большим трудом поддается анализу. Какой путь должна пройти дочь, чтобы отречься от своей первой любви, которая, как говорит Фрейд, налагает свой отпечаток на все последующие чувства, которые она испытает на протяжении всего своего жизненного пути? Пути от слияния с идентичностью к сепарации, да еще так, чтобы где был один (из-за слияния), стало двое (благодаря сепарации). Мишель Фэн и Дениза Брауншвейг¹ настаивали на присутствии отца в материнской психике, отца, который прошел все стадии психосексуального развития, эдипову включительно, на присутствии третьего, которого ребенок (и здесь мы интересуемся, в частности, ребенком-девочкой), воспринимает настолько ясно, чтобы аутоэротический процесс начался с фантазий об отсутствующей матери, потому, что она находится рядом с отцом. Также следует отметить, что кризис рождения ребенка не должен превышать возможности его проработки.

УГРОЗЫ КАСТРАЦИИ

В наблюдении за маленьким Гансом, а также в собственном самоанализе Фрейд описал угрозу кастрации, о которой мать прямо сообщает мальчику. Мы вспоминаем также слова, сказанные отцом: «Если ты будешь

1 М. Fain, D. Braunschweig, *La nuit, le jour*, PUF, Le fil rouge, 1975.

трогать свою «писюльку», придет доктор А. и отрежет ее». Но что происходит с девочкой? Как представить себе, что ей не были адресованы подобные предостережения на эдиповом фоне? Само возрождение ее собственно Эдипа побуждает мать, идентифицироваться с этим ребенком/дочерью и заставляет ее высказывать такое предупреждение. Я бы предположила, что оно может иметь такой смысл: «Соблазней своего отца, но не своими гениталиями»¹.

Здесь речь идет о компромиссе, в котором отец обозначен как объект любви и где лишь генитальная сексуальность подвержена запрету: только она, мать, может соблазнять отца *своими гениталиями*. Таким образом мать защищает и саму себя, и свою дочь, по крайней мере, на время от соперничества между женщинами; в то же время, обрисовывая ей отца как объект любви, она предлагает девочке способы, которыми она могла бы отделиться от нее.

Вернемся к словам: «Соблазней своего отца, но не своими гениталиями». Или в том же духе: «Будь полностью фаллической, без отверстий: так ты не будишь вновь отцовскую тревогу кастрации». Таким способом избегается риск инцеста с отцом, но в то же время избегается и возникновение у отца самой глубокой тревоги, более глубокой, чем тревога кастрации, а именно *тревоги дыры*.

Также я предложила бы назвать *женственностью* соучастие матери и дочери в приукрашивании женского тела, в смещении на него (по механизму фетиша) всего эротизма пола, который должен остаться скрытым. Эта женственность предполагает ситуацию втроем: ее структура задается от имени отца, от имени мужчин.

1 М. Cournut-Janin, *Féminin et féminité*, PUF, Épîtres, 1998.

Отдельно от этого я отличаю женское, более глубокое, более секретное, также переданное от женщины к женщине. Это надежная женская идентификация, которая сможет принять в будущем признание мужского пола и ребенка.

Здесь мы подходим к той точке, когда девушка может познать неудачу судьбы. Первоначальная любовь, любовь матери, к матери, тело к телу, рот в рот, отверстие к отверстию, дыра к дыре, может застыть в этой архаической форме без дальнейшего развития: при существовании в качестве «фаллоса матери» словами, репрезентациями из фаллической системы передается то, что, вероятно, кроется гораздо глубже.

Это «тело к телу» некоторых гомосексуалисток, как они выражаются на кушетке, может научить нас кое чему: речь чаще всего идет о любви без пенетрации, при которой вагина и анус исключаются. Ласки каждой из них, на поверхности, не предполагают никакого подобия проникновения пенисом. В итоге нет ни вагины, ни пениса.

Вернемся к девочке... Если любовь к отцу достигла апогея в эдиповом периоде, когда возникает мысль: «Когда мать умрет, я выйду замуж за отца». За глубокой идентификацией с матерью, абсолютной необходимостью продолжения ее существования как первообъекта для продолжения собственного существования, скрывается, в период латентности, то, что сопровождает выбор отцовского объекта, а именно, неистовые желания смерти матери. Интимность между матерью и дочерью в период латентности, которая ни для одной, ни для другой не исключает присутствие отца, которого дочь соблазняет, но не сексуально, съезжившись в нежных объятиях матери... понятно, что такая ситуация может быть приемлемой лишь на некоторое время.

Именно неудача этой организации втроем, исключая любой намек на родителей, воскрешает инцест, связь рот в рот, отверстие к отверстию, дыра к дыре, из которой исключено именно то, что мы назвали «женственностью».

Психоаналитики сталкиваются лишь с частичными неудачами, при которых идентификация с матерью не смогла осуществиться достаточно гибко, сбалансированная любовью к объекту. В этом случае речь идет, прежде всего, о настоящей материнской инклюзии, напоминающей меланхолическое ядро или что-то еще, что может функционировать как чужое тело.

Если вытеснение всего того, что действительно было прожито под знаком удовольствия: гигиенический уход, умывание, припудривание, смазывание кремом, вытирание; удовольствия, связанного с кормлением, а также и с экскрецией, – если такое вытеснение не имело места, тогда подросток, а затем и взрослая женщина рискует запутаться в архаическом мире, в котором любая сепарация, а, следовательно, и любая идентичность кажутся невозможными.

Вспоминается девочка-подросток, сбежавшая из дома к нам в центр, находящаяся в прострации, замкнутая, отказывающаяся вымолвить хоть слово, пока мы не заговорили о ее матери: тогда ее тело затряслось от волнения и она рассказала о своем детстве, когда мама постоянно отдавала ее в разные учреждения, а затем, через два–три дня забирала ее обратно, а потом снова отдавала и т. д. Ее тело, кроме истерической репрезентации, изображало что-то инкорпорированное материнское, чье аккумулярованное присутствие и отсутствие не позволяли ей иметь никакую собственную консистенцию, ни одного своего места в самой себе, все было целиком захвачено матерью, не оставив места для построения

фантазматической игры, которая подготовила бы женское психическое тело для проникновения мужского пениса и для принятия ребенка.

Так как я решила поговорить здесь о двусмысленных ситуациях, об инцестуозных зонах, я упомяну также частную ситуацию, с которой сталкивает нас клиника в определенные минуты жизни, когда родственники пациентов по восходящей линии стареют.

ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО

Многим моим пациентам пришлось столкнуться и с физическим, и психическим разрушением их матерей. Старение вызывает опасность, образно говоря, «впасть в детство», другими словами, вновь прийти путем регрессивного механизма к поведению и удовольствиям младенца, к играм с генитальностью, даже с анальностью.

Так, эротизированное обнаженное тело, даже явления энкопреза могут привести к ситуации резкой инверсии ролей, когда дочь видит себя в роли матери своей мамы, «вновь ставшей» ребенком. Возбуждая давно вытесненные движения влечений, эта ситуация, вероятно, может быть прожита как амбивалентное отвержение, сопровождаемое сильным чувством вины. И речь идет именно о близости мать/дочь, сексуально недозванной.

На протяжении жизни контакты с предшествующими и последующими поколениями, а также с непрямыми родственниками, могут потребовать от каждого индивидуума более или менее напряженных усилий в зависимости от создавшейся ситуации, чтобы удерживать в равновесии желания слияния одного с другим и жела-

Моник Курню-Жанэн

ния приобретения самостоятельности. Все это проходит под знаком вины, за исключением перверсий.

И это случается, даже если последнее время наш взор был прикован к яркому плакату, провозглашающему: «2000 лет вины, все, хватит!»

ИНЦЕСТ И ВЕЩЕСТВО. ЭДИП, АЛЛЕН, ДРУГИЕ И МЫ

Франсуаза Эритье

ИНТЕРВЬЮ С ЖАКОМ АНДРЕ

ЖАК АНДРЕ: Вы появились в College de France в качестве заведующей кафедрой социальной антропологии после Клода Леви-Стросса. Читая вас, можно отметить сильную связь с Леви-Строссом и одновременно значительную разницу между вашими и его концепциями. С одной стороны, обращает на себя внимание ваше приращение на универсальность, на структурализм, а также забота о создании унитарной теории, организованной вокруг запрета на инцест. С другой стороны, мы сталкиваемся со смещением инцеста, с инцестом «второго типа», возвращением тела и жидкостей, а возможно, и приоритета смысла в ущерб структуре. Смогли бы вы уточнить, что было заимствовано и что является инновацией или отличием между вами?

ФРАНСУАЗА ЭРИТЬЕ: Я действительно пытаюсь создать унитарную теорию, но хочу, чтобы эта теория была бы одновременно и структуралистической. Я не отрекаюсь от полученного наследия, но в то же время признаю и отличия. Итак, почему она является структуралистической? Потому, что она использует инвариантные конструкторы мышления. Речь идет главным образом о дуалистических противопоставлениях, которыми пользуется Леви-Стросс; исходя из этого, я сама задаю себе вопрос, откуда берется эта константа, это мышле-

ние, обязывающее нас оперировать дуалистическими категориями? Другой инвариантный конструкт мышления касается универсальных вопросов о том, что является гуманным, вопросов, одинаковых для всего человечества и подчеркивающих поиск смысла.

Ж. А.: Итак, вы спрашиваете себя не просто о структуре, но и о происхождении...

Ф. Э.: Действительно, речь идет о происхождении. Я не хочу сказать, что Леви-Стросс умаляет проблематику происхождения дуалистических категорий, но он решает ее, предположив, что все человечество имеет доступ к церебральным соединениям, к связанным между собой участкам коры мозга, которые форматируются электрически по типу присутствия/отсутствия. Что касается меня, то я считаю, что такое мозговое соединение, обязывающее нас формулировать то, что мы собираемся сказать, используя дуалистические категории во всех системах мышления, во всех языках и во всех социальных структурах, – это церебральное соединение, оно является скорее следствием, а не причиной или исходным пунктом. Для меня все начинается с этих первостепенных, универсальных вопросов, о которых я говорила выше. Один из этих универсальных вопросов касается понимания причины существования мужского и женского. Это отличительный знак, на который никто не может влиять и которым обладают все виды; видимый, отличительный знак, сам собой разумеющийся, ибо, как я однажды пошутила на эту тему, первобытные люди не задавали себе вопросов о гермафродитной природе улитки! Нас интересуют, прежде всего, вопросы, связанные с тем, что можно увидеть у животных и у человека, у человеческого рода. Какими бы ни были индивидуальные отличия, существует четкое анатомическое, физиологическое отличие, присущее всем видам.

Половое распределение является константой. Я думаю, что это фундаментальная отправная точка для вопросов, встающих перед человечеством. Исходя из этого, можно дать серию ответов. Но для меня различие мужского и женского полов, как и другие различия, на которые невозможно повлиять и которые недоступны какой-либо человеческой манипуляции, как, например, регулярное чередование дней и ночей, влечет за собой установление схожести мужского и схожести женского, дней и ночей и одновременно установление фундаментального отличия одного от другого, и это стало основой категории, включающей собственную противоположность: категории идентичного и отличного. Все наши дуалистические категории функционируют именно так, противопоставляя идентичные между собой вещи отличным от них вещам, и эти два набора радикально отличаются друг от друга.

Ж. А.: Когда Фрейд искал ответы, спрашивая себя, что является первой инфантильной сексуальной теорией, первым источником инфантильного любопытства, он колебался. Иногда он полагал, что речь идет о загадке различия полов, но больше склонялся к тому, что первостепенным остается вопрос «Откуда берутся дети?».

Ф.Э.: Существует множество вопросов относительно фундаментальных проблем человеческого рода, но когда дело касается дуалистических категорий, они вытекают, на мой взгляд, из того, что следует считаться с абсолютной гетерогенностью двух полов и неизменностью этой константы, на которую невозможно повлиять, стало быть, с загадкой различия полов, являющихся фундаментом и для чего-то другого, кроме первой инфантильной сексуальной теории. Это является основой категорий, которыми мы пользуемся, чтобы мыслить. А бинарное церебральное соединение было построе-

но, исходя из констатации этого различия. Наш мозг устроен таким образом, и это передается по наследству, что мышление любого индивидуума с самого начала вписывается в эту систему, но такое соединение было построено, исходя из наблюдения идентичных и отличных явлений. В этом смысле я структуралистка, ибо опираюсь на инвариантные структуры мышления. Просто в поисках причины я поместила их в другое место в отличие от Леви-Стросса.

Ж. А.: Итак, одновременно инварианты и бинарная логика ...

Ф. Э.: Бинарная логика, дуалистические противопоставления, затем эти универсальные вопросы, к которым относится и вопрос Фрейда, о котором вы говорили и к которому нам может быть еще представится случай вернуться. Более того, идея, на которой я настаиваю, состоит в том, что «инвариант» не означает «неизменный ответ». То, что неизменно, – это человеческая способность задавать вопросы и объединение для этого двух элементов, которые вместе образуют систему. Эти два элемента, составляющие систему, генерируют вопрос, который будет более или менее явно или скрыто фигурировать во всех обществах, и каждое из них обязательно даст свой ответ. То, что инвариантно, – это рамки мышления, это вопрос, а не ответ. В этом способе видения вещей иногда сквозит консерватизм, в то время как речь не идет ни о консерватизме, ни о фиксизме. Просто существуют универсальные вопросы и универсальный способ объединить эти вещи, неразрывно связанные друг с другом. Например, в связи с вашей отсылкой к Фрейду, мужскому-женскому и вопросу «Откуда берутся дети?». Речь идет об инвариантных рамках, какими бы объемными они ни казались, но в то же время речь идет и об универсальном вопросе. Каков вклад

каждого из двух полов в деторождение? И далее: почему женщина рождает тело, отличное от своего? Вот вопрос, который приводит в невообразимый шок: «Откуда у женщин эта способность воспроизводить не только идентичное, но также создавать и отличное?». Эта загадка вообще завуалирована формулой, подобной перифразам, которыми мы пользуемся, чтобы подсластить какой-нибудь сюжет. Женщины рожают детей. Собственно, настоящая проблема не в том, что женщины рожают детей, а в том, что они рожают мальчиков, сыновей. То, что женщины рожают детей (нейтральная формулировка), не является проблемой. То, что они рожают мужьям сыновей, – вот настоящая проблема, которая занимала умы всего человечества.

Следовательно, неизменной является эта проблема, а также связывание элементов, подходящих друг другу и определяющих рамки, в которых отображаются ответы. И эти ответы варьируют в зависимости от каждого общества, в зависимости от того, что я называю «контекстом». В этом и заключается, очевидно, сложность антропологического анализа: даже если изолировать его от контекста, как это делаю я, занимаясь инцестом, никогда нельзя считать, что это единственный элемент: существуют многие другие элементы, каждый раз по-разному влияющие на ответ, который может быть дан в контексте того или другого общества. Следовательно, мы обязаны взглянуть на все в совокупности.

Ж. А.: Недостаток любой научной разработки...

Ф. Э.: Существенное различие между моей точкой зрения и Леви-Стросса состоит в проблематике смысла, и я хочу сказать, что он принял его во внимание. Не только проблематику смысла, но и ее причину. По моему, противопоставления появляются при наблюдении идентичности и отличия, включенных в посто-

янное противопоставление мужского и женского, это точка зрения материалиста, на которую претендует Леви-Стросс. Более того, я смогла особо выделить аспект, связанный с ответом на вопрос «Почему женщины рожают мальчиков (сыновей)?», о котором, возможно, будет повод порассуждать, то есть коснуться темы «дифференциальной валентности полов». Я писала об этом в работе «Управление в родительстве». Исходя из анализа систем терминологии родительства, можно заметить, что в определенном числе систем существует значительное доминирование мужского принципа над женским в терминах права первородства. Для меня объяснение того, что женщины рожают мальчиков (сыновей), связано с природным недостатком мужчин в этом направлении. Сыновья не рождаются молниеносным прохождением сквозь тело матери. На это требуется время. Принимая во внимание этот факт, женщины становятся невероятно ценным ресурсом, которым следует владеть индивидуально, так как не может быть и речи, чтобы семенем, которое будет прорастать в носящей его женщине, воспользовался другой.

Дифференциальная валентность полов – это элемент, который я прибавила к теории Леви-Стросса. В своем анализе функционирования социальной сферы Леви-Стросс ссылается на запрет на инцест как на начало обменного процесса, на необходимость брака, как на институциональную форму связи, объединяющую две человеческие группы, производящие обмен. И, чтобы объединить их, половое распределение заданий ограничивает каждого из этих двух лиц, включенных в контракт. Это скелет теории Леви-Стросса, весьма краткой и, безусловно, неполной. Я прибавила к этому дифференциальную валентность полов. Данный элемент, который мне кажется фундаментальным, существовал парал-

лельно, отвечая за то, что привело к мужскому доминированию, ибо, согласно теории Леви-Стросса, мужчины характеризуются тем, что обмениваются между собой дочерьми и сестрами. Это означает, что право мужского доминирования проявлялось издавна, когда братья меняли своих сестер на сестер других мужчин. Леви-Стросс не изучал природу законности этого права.

Итак, я подняла вопрос смысла, важный пункт, проясняющий и предвосхищающий некоторые вещи, включая и инцест. Кстати, об инцесте. Чтобы ответить на ваши вопросы, я сфокусирую внимание на отмечаемом мною противопоставлении «природы» и «плоти». В книге Эммануэля Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)», содержится замечательная фраза, формулировка которой показательна для тех, кто интересуется смыслом отличия этих двух терминов. Эта формулировка принадлежит одной из женщин, допрошенных в трибунале Инквизиции, которая докапывалась до самых глубин жизни, мыслей и веры жителей окситанской деревни. Этой женщине один мужчина много раз предлагал стать его любовницей или хотя бы разок переспать с ним. Она постоянно ему отказывала, а он каждый раз, когда встречал ее, начинал приставать к ней, пытаясь понять, почему она ему отказывает. Однажды она раскрыла ему причину отказа: она уже была любовницей двоюродного брата этого мужчины. Если мне не изменяет память, он был не просто двоюродным братом, а сыном брата отца этого мужчины, то есть тем, кого мы называем параллельным двоюродным братом по отцовской линии, то есть генеалогически эти двое мужчин являлись преемственными родственниками по мужской линии, носителями абсолютной вещественной идентичности. Она сказала ему: «Я не могу переспать с тобой, ибо невозможно коснуться

плоти того, кого уже коснулась *природа*». Таким образом, она делает акцент на существовании мощного противодействия между плотью (то, что я называю телом, веществом или, еще более утонченно, флюидами, жидкостями тела, составляющими вещественную природу плоти) и тем, что называется природой. А смысл, который она вкладывает в *природу*, относится к родству, филиации и родству по боковой линии. Природа фактически есть кровное родство. «Нельзя прикоснуться плотски к тому, чего уже коснулось родство». *Кровное родство* – эти слова мы используем, не вникая в их смысл, а обозначают они «иметь ту же кровь», другими словами, жидкость, включая и другие жидкости тела. Кровь является основной жидкостью человеческого тела, которая отличается (согласно местным представлениям большинства обществ и вполне очевидно у Аристотеля) от двух других жидкостей, каковыми являются сперма и молоко. Кровь – это то, что определяет совокупность всех жидкостей и закладывает родство. Следовательно, природа есть кровное родство, посредством которого передаются телесные вещества. А плотское относится к телесному вступлению в контакт, к прямому контактированию с этими веществами. Женщина из Монтайю с точностью формулирует то, что нам следует понять, выражая идею всего человечества о том, чем отличается передача жидкости при зачатии от передачи жидкости через плоть, иными словами, при контактах, позволяющих прийти к такому результату, даже если это и происходит не каждый раз; общеизвестно, что не всякий сексуальный контакт приводит к беременности. Если бы это было так, бесспорно, все было бы иначе.

В теории Леви-Стросса существует пробел, касающийся лиц, соединенных посредством брачных союзов. Из-за плотской связи между кровными родственниками

эти два партнера столь близки и по природе, и по плоти, что и не возникает такого рода вопроса: запрет инцеста защищает от страха идентичности. Настоящая же проблем – это проблема брачных союзов. Если мужчина – мы все время будем исходить из условности мужского Эго – женится на женщине, которая никак не связана с ним единокровно, само собой разумеется, что он может с тем же успехом жениться и на ее сестре, которая также ему не единокровна. Как же это получается, что если он женился на одной из них, ему абсолютно запрещено в определенных обществах жениться на другой, будь то одновременно или даже после смерти первой? Эта ситуация есть одна из вариаций, вписывающихся в те же незыблемые рамки. Леви-Стросс не поставил относительно нее знак вопроса, ибо посчитал ее с самого начала включенной в социальную теорию обмена. Если у него не было доступа к «дублеру», это делалось для того, чтобы разнообразить брачные союзы. В действительности, как можно было бы фактически построить дифференцированные социальные связи, если бы произошел один обмен вместо двух? Это интересный способ смотреть на вещи, но недостаточный, ибо существуют общества, разрешающие один обмен вместо двух, и, несмотря на это, они такие же жизнеспособные и организованные, как и другие общества. Ссылка на обязательность разнообразия – это интерпретация *a posteriori*, не считающаяся с невероятной диверсификацией запретов, налагаемых не только на супругов-родителей, но и на других ухаживающих лиц, например, на молочных родителей в арабском мире. Речь уже не идет о разнообразии брачных союзов, когда невозможно, чтобы, например, мальчик и девочка, у которых была одна и та же кормилица и которых не связывает никакое кровное родство, поженились. И не только потому, что их кормили тем же

молоком, но и потому, что часто предполагается, будто молоко принадлежит мужу кормилицы и что оно происходит из спермы мужчины. Запрет налагается тогда, когда делятся идентичными телесными жидкостями.

Так что глобальная теория Леви-Стросса, сформулированная как социальное правило разнообразия брачных союзов, показалась мне неудовлетворительной. В свою очередь, я создала глобальную теорию, которая предлагает подходящий для всех человеческих групп ответ на вопрос, хорошо или плохо, чтобы произошло слияние идентичных вещей. Инцест второго типа является результатом отрицательного ответа на этот вопрос в телесном плане, в плане соединения двух идентичных веществ посредством сексуального партнера, общего для двух единокровных лиц того же пола, как в истории Монтейю. Уточню, что я имею в виду.

Человеческий разум использует понятие запретного контакта в отношении природы и в отношении плоти. В отношении природы идентичность двух индивидуумов определяется родством. Общая идентичность является полной между отцом и сыном, матерью и дочерью, а также она существует и между братьями, ибо у них одни и те же родители. Запрет в отношении природы подразумевается само собой, речь идет о запрете инцеста, как нам известно, между двумя кровными родственниками. Здесь я привнесла элемент новшества; этот запрет, основанный на природе, применяется и к плоти, то есть к прямому контакту между веществами. Единокровный инцест первого типа – это повторение на телесном уровне того, что связано с природой. Более того, у двух идентичных существ единокровные вещества могут соприкоснуться и без прямого телесного контакта просто потому, что два кровных родственника имеют общего сексуального партнера, который посредством

контакта и физического трансфера флюидов позволяет соприкоснуться между собой двум идентичным веществам. И здесь вступает в силу инцест второго типа. Тела, вещества могут соприкасаться посредством жидкостей тела и особенно посредством того, что во многих обществах известно под названием «сексуальные жидкости», мужские и женские одновременно.

Это с самого начала предполагает широкое изучение способа, которым люди воспринимают идентичное и различное не только с абстрактной точки зрения, но и относительно того, что понимается под этим с конкретной точки зрения вещества, «плотского» в противопоставлении с «природным». Несмотря на это, существуют общества, где контакт между тем, что является идентичным, не отвергается полностью. Один из главных споров антропологии касается вопроса, существовали ли когда-то общества, не запрещающие кровный инцест. Приводятся в пример общества Ближнего Востока, особенно персы, которые не гнушались инцестом мать/сын или отец/дочь. Не считая браков между двоюродными братьями, которые мы обнаруживаем в Египте, в то время как фараоны не женились на любой из своих сестер. Это вписывается в вариации, о которых я уже упоминала. Фактически не существует природного, биологического определения инцеста; значение имеет лишь способ, которым в определенном обществе дается классификация, согласно которой определяется, что инцестуозно, а что нет; то, что инцестуозно для нас, не является таковым для других, и само понятие этой вещественной «природы», переданное через родство, может, например, касаться лишь одного из родителей, тогда союз одного Эго с одним из братьев, с которым его связывает только один из родителей, может не быть запрещенным.

Ж. А.: В таком случае что остается инцестуозного в Персии?

Ф. Э.: Когда считается, что инцест между отцом и дочерью и между матерью и сыном не запрещен, мы в первую очередь должны удостовериться, что речь не идет об особенностях интерпретации текстов. Некоторые общества имеют системы родства другого типа, чем наши, когда мужчине не дозволено жениться на ком-то, кого он называет словами «мать», «дочь» или «сестра», хотя они могут вовсе не быть ими. В случаях, когда это действительно так, отношение родства может быть устранено и брачный союз разрешен. Если этого объяснения недостаточно, я позволю себе подчеркнуть тот фундаментальный факт, что для того, чтобы вступить в брак с сыном или с дочерью, для начала надо было иметь другого партнера, который сделал возможным появление на свет этого сына или дочь. Имеются в виду всегда второстепенные браки, значимость которых, по мнению специалистов по этой проблеме, является, безусловно, ритуальной; речь не может идти о социальной норме, ибо это невозможно, чтобы женщина заключила брак со своим сыном, не родив его прежде от другого мужчины, точно так же, как и мужчина не может жениться на своей дочери, если она не была рождена от другой жены. А это просто означает, что идея брака, соединяющего родителя и ребенка разных полов, которая представляла бы кульминационную форму «благодеяния», предполагает, что либо для них идея совмещения «идентичного» не является отвратительной, либо вещественная передача идентичности осуществляется в зависимости от общего пола, отец и сын, мать и дочь, но и не между разными полами. Что касается довольно редких случаев более дальнего родства, о которых имеются свидетельства, как то дед/внучка или бабушка/внук, то следует при-

знать, что они могут быть допущены, как и происходит в определенных африканских общинах, по тем же причинам для передачи вещественной идентичности, о которой мы как раз говорим.

Ж. А.: Аргументация Леви-Стросса, по крайней мере, приведенная в *«Элементарных структурах родительства»*, сосредоточена на объявлении запрета инцеста как истинного запрета еще до того момента, когда он был понят как противопоставление между природой и культурой. Все же это был первый уровень размышления: если взглянуть глубже, то измерение запрета казалось второстепенным, подчиненным еще более радикальному требованию: принуждению к брачным союзам, к отношениям. Положительная, возбуждающая (и скрытая) сторона запрета стала считаться на самом деле отрицательной, запрещающей (и очевидной) стороной. Читая ваши работы, создается впечатление, что, наоборот, запрет восстанавливает свой примат и вместе с тем, что опасность инцеста для человеческого общества вновь обретает статус конечной цели.

Ф. Э.: То, что запрет инцеста ведет к принуждению внешних брачных союзов, – это бесспорно. Я вовсе не опровергаю этот вывод, по крайней мере, в смысле обязательной экзогамии, так как она локально определена репрезентациями, относящимися к передаче идентичных веществ. Если не можешь вступить в брак с лицами, которые тебе недоступны в силу запрета инцеста, это предполагает, что ты женишься на других; брак, социально допустимый союз, заключается с тем, с кем не запрещено, и часто это зависит от особенностей брачных союзов.

Могу ли я рассматривать «опасность» инцеста как конечную цель? Мы должны определиться, что означает «опасность». Боязнь инцеста исходит из определенного типа репрезентаций, которые мы должны понять.

Когда мы говорим об «опасности» в нашей современной западной культуре, мы тут же думаем о повышенном риске кровного родства, вызывающего увечья, врожденные пороки, серьезные недостатки. Речь идет о встрече гомозиготных генов. Если, к примеру, и отец и мать являются носителями генетических свойств, которые ведут к муковисцидозу, ребенок будет страдать тем же. Итак, это действительно пагубно. То, о чем не говорится, относится к обратному случаю, когда ситуация может быть весьма благоприятной, то есть когда мать и отец являются носителями генов, ведущих к улучшению. Это видно на примере животных, когда проводятся спаривания отобранных единокровных особей, ибо они являются носителями искомой характеристики: быстрота для лошадей, качество молока или мяса для рогатого скота и т. д. Рискам кровного родства противопоставляются их противоположность: улучшение, преимущество кровного родства. Кстати, при весьма высокой смертности среди детей младшего возраста отмечается, что союз между кровными родственниками приводит к особо тяжелым недостаткам, не говоря уже о таких небольших недостатках, как хилое телосложение или усиление прогнатизма. Соотношение между инцестом и опасностями кровного родства реконструировано *a posteriori* и принадлежит нашему современному миру, но мы не обнаруживаем его в архаических обществах или в обществах, отличных от нашего.

Фактически существует достаточно много обществ, допускающих браки, которые мы до недавнего времени считали инцестуозными. Например, браки между двоюродными братьями и сестрами; до начала прошлого века в этой ситуации требовалось разрешение на брак. Такой брак, который мы считаем инцестуозным и порочным, наоборот, является нормой во многих общест-

вах. Опасность, как она представлена в этих обществах, чаще всего связывается с характеристиками жидкостей тела, например, температуры жидкости. В целом у этих характеристик идентичная природа, но все же в каждой родственной линии существует специфическая особенность этой идентичности, например, когда пищевые запреты, поддерживающие эту специфичность, могут подвергаться чрезвычайно малым вариациям. Именно эти вариации устанавливают разницу внутри однородности. В каждом кровном родстве, семейном, однолинейном, существует определенная идея об интимной дифференциации одной из общих характеристик вещества. Самая распространенная концепция состоит в том, что соединенные вместе эти идентичные вещества или эти идентичные тела вызывают при эксцессе тепла или холода либо высыхание, либо сжижение, изменение природы. Речь идет о механике флюидов. Высыхание в одном случае, сжижение человеческого тела в другом ведут к бесплодию: тело либо погибает от кровотечения, диареи или истощения, либо становится бесплодным. Это опасно как для самих индивидуумов, так и для их близких, для третьих лиц, а также в более широком смысле для всех окружающих их людей, для животных и для земли. Мы легко можем найти в этнографических рассказах множество последствий инцеста: от волн цунами, бурь, наводнений и т. д. до их противоположности, до отсутствия дождей и высыхания грунтовых вод.

Это вызывает у нас размышления, которые выходят за рамки темы, однако им, безусловно, мы должны уделить внимание: речь идет об общем субстрате верований, которые можно было бы объяснить тем, что ничего из того, что свойственно отдельному человеку, что с ним происходит, не может быть отделено от мира в целом.

То, что происходит в одном плане, имеет последствия в другом. В Само (Буркина-Фасо), где я работаю, инцест и другие формы сексуального преступления могут привести к истощению почвы, исчезновению грунтовых вод, отсутствию дождей. И, наоборот, феномены, происходящие в климатическом, метеорологическом плане, в природе, могут также иметь последствия для людей: так, нельзя лишить девственности девушку, достигшую полового созревания, когда идет дождь, а также зимой, потому что считается, что вода и кровь, жидкость с жидкостью, могут вызвать у нее разжижение крови и кровотечение из-за накопления идентичного. Накопление неблагоприятно, особенно там, где оно проклято.

В связи с обязательностью экзогамии и с концепциями Леви-Стросса я сошлюсь на другую систему: представление людей о контакте веществ и производимых им эффектах соответствует тому, с каких позиций они отвечают – эндогамии или экзогамии. Согласно их частным ответам, эндогамия будет считаться благоприятной или, напротив, экзогамия – сама собой разумеющейся, а это свидетельствует о том, что главная проблема здесь определена в меньшей степени организацией в зависимости от правила филиации, чем присвоением передачи вещественной идентичности по одной или другой родительской линии, а иногда и по обеим. Экзогамия относится не к поиску кого-то чужого, а к поиску внутри общества тех, кому социальное правило запрещает брак. Затем в рамках кровного родства правило формулирует различие между теми, с кем можно, и теми, с кем нельзя заключать брак. И для нас, принимающих во внимание степень кровного родства, то есть влияние природы, кроме запретных степеней, дальние кровные родственники могут без проблем быть пригодными для брака. Они даже составляют привилегированный

ареал брачных союзов. Это было отмечено Пьером Дамьеном, одним из Отцов Церкви в XII веке, когда широко обсуждалось, как расширить толкование запрещенных степеней кровного родства, согласно природе. В соответствующую эпоху произошла контаминация канонического и римского юридического способа определения родительства. От канонического ордена до римского юридического ордена степень меняется от одинарной к двукратной; так, двоюродные братья переходят от второй степени к четвертой, потомки фратрии/сибблингов переходят от третьей к шестой степени и т. д. Можно заключить, что в определенный момент был сделан расчет на расширение запретных степеней, согласно римскому образцу, но при этом в канонических рамках. Эта тонкая игра контаминации правил привела к тому, что в определенные времена был запрещен брак между лицами, кровное родство которых могло исчисляться двенадцатью поколениями. Становилось очень сложно найти партнера и, понятно, это правило не могло быть соблюдено, может быть, за исключением прямых линий родства по мужской линии. Ведь Пьер Дамьен написал: «Якорем брачного союза должен стать центр, от которого произойдет отделение». Это репрезентация брачного союза типа того, который я графически изобразила в общине Само (Буркина-Фассо), где предпочтение отдается бракам между дальними кровными родственниками, за пределами того же рода и запретных степеней.

Леви-Стросс не задавался таким первостепенным, на мой взгляд, вопросом, как дифференциальная валентность полов, поскольку для того, чтобы мужчины обменивались сестрами и дочерьми, следовало, чтобы в общем сознании было право делать это не на взаимобразной основе; он не спрашивал себя ни о смысле су-

ществования дуальных категорий, о которых я говорила, что они не имеют ничего общего с системой церебральных соединений, а связаны с ранним наблюдением полового различия; он не считал необходимым установить глубокие причины запрета инцеста. Он интересовался лишь последствиями этого запрета, поскольку они управляют социальными связями. С моей точки зрения, за переменчивостью репрезентаций можно уловить инварианты того, что идентично и что отлично, как в природе, так и в плоти; чтобы восстановить эти два фундаментальных термина, следует учесть, что определение «природы» не сводится только к ее юридическому описанию в терминах режима филиации, а включает также в юридическую норму различия, касающиеся репрезентации вещественной передачи идентичности в зависимости от пола. Вытекающие отсюда последствия фактически закладывают социальное, но само социальное зависит и включает в себя эти репрезентации, являющиеся его основой. По этой причине я решила исследовать смысл запрета, обязывающего нас в какой-то мере принимать во внимание, что рассуждения человека о самом себе не только абстрактны (определить правило и функционирование структуры), но имеют и свою подлинную конкретность. И подобный тип рассуждения о конкретности человека столь же истинен сегодня, как и в первоначальную эпоху человечества. Мы живем с теми же вопросами, не спрашивая себя в нашей повседневной жизни, в частности, о том, были ли они теми же на заре человечества или являются результатом наших теперешних социальных правил. Так, сексуальная связь между вторым мужем женщины и дочерью, рожденной от ее первого брака, ставит определенные вопросы в наших обществах, хотя причина беспокойства пока не совсем понятна и недостаточно ясно сформулирована. Мне ка-

жется, я вижу прототип этого вопроса в заметках судьи, рассказывающего о случаях, с которыми он столкнулся. Мужчина, удивленный обвинением в инцесте, защитил себя, сказав: «А кого я обижаю, ведь она не была моей дочерью?», отдавая первенство природе над плотью. Но тот же мужчина заявил в другой раз: «Я уже не сплю с ее матерью». Так, не отдавая себе в этом ясного отчета, он чувствовал, что, если он уже не спал с ее матерью, его уже нельзя было обвинять, что он способствовал соприкосновению вещества матери с веществом дочери. Мужчина имплицитно был уверен, что, по природе, его приемная дочь была ему никем и что инцеста второго типа, по плоти, не было, так как он больше не спал с ее матерью. Бесспорно, он был не в состоянии сформулировать это подобным образом, но именно это он имел в виду. Точно так же в Коране, но на этот раз в форме писаного правила, ясно говорится, что никто не может написать жалобу на мужчину, который спал со своей приемной дочерью, если в это время у него не было сексуальных отношений с ее матерью. Подспудное публичное отвращение появляется из-за приведения в контакт веществ этих двух женщин. Оно проявляется во всех спорах вокруг поучительной истории Вуди Аллена: он не только уже не спал с матерью (Миа Фэрроу) приемной дочери, на которой собирался жениться, но она никогда и не была ему женой. «Чем я провинился, ведь речь не идет о моей дочери, я уже не сплю с ее матерью, которая никогда не была мне женой и не была кровной матерью своей дочери?» И, несмотря на это, такой союз публика сочла инцестом, ибо они делили в тот же период жизни одну и ту же пищу, как физическую, так и духовную, и в определенном смысле она была его дочерью, ибо у него была плотская связь с приемной матерью девушки. Итак, этот образ мысли все время присутствует в нашем уме,

может не выраженный в форме абсолютного правила, но внушающий публичное отвращение.

Ж. А.: Аккумуляция идентичного, смешение вещей, недифференциация между лицами – всего этого недостаточно, если мы не упоминаем и о психопатологических ингредиентах, сопровождающих инцест мать/сын на фоне отношений слияния. Часто такая ситуация обнаруживается в связи матери с сыном-шизофреником.

Ф. Э.: Ужас, это ужас, социально построенный, имеющий историю, основанную на передаваемых правилах, но нельзя все же исключить тот факт, что инцест может быть прожит с наслаждением, в фантазии или в действительности. Если бы не было удовольствия, желания, инцеста бы не существовало; тем не менее он существует. Существует реальная связь между антропологическим и психоаналитическим наблюдениями, хотя я никогда не задавалась целью выявить существующие между ними связи. Психоанализ говорит в терминах желания отношений слияния. Социальная антропология признает их значение для индивидуума, но ее интересуют репрезентации, опосредованные актом и веществами, появление природного объединения тех, кто связан кровными узлами, характер сексуального отношения, вещества, вовлеченные в этот акт. Это свойственный антропологии способ смотреть на вещи. Я думаю, что теория, которая соединила бы эти подходы, должна учитывать эти две точки зрения: то, что происходит на уровне каждого индивидуума, и то, что касается глобальной социальной репрезентации. Полагаю, что я, скорее, на одной стороне, а вы – на другой.

Ж. А.: Здесь мы опять сталкиваемся с неточностью науки. Ваша книга «Две сестры и их мать» начинается с такого вопроса: «Что такое инцест? Как определить, что инцестуозно и что нет?». Этот вопрос является ре-

зультатом неудовлетворенности: мы не можем принять привычное, слишком узкое определение инцеста (запрет, применимый к «прямым сексуальным отношениям» между партнерами разных полов, являющимися кровными или более или менее близкими родственниками либо соединенными с ними через брачные союзы) просто потому, что существует слишком много этнологических примеров, где сексуальная связь, расположенная вне этих критериев, может считаться «инцестуозной». Так что вы вынуждены значительно расширить круг запретных связей на основе вашей теории об инцестах «второго типа». Нам остается только удивляться сходству, хоть и не полному, между вашим подходом и подходом, свойственным психоаналитической теоретизации. В сущности последний ведет больше, чем к расширению, а именно, к обобщению инцестуозного измерения. Если верно, что любой выбор объекта продиктован детерминациями инфантильной сексуальности, что любой объект взрослой сексуальности несет в себе следы первичных объектов детства, тогда инцестуозное измерение вообще равно по объему всей сексуальной жизни. Либо чтобы подпитывать желание, либо чтобы выдумать запрет. Как в высказывании, приписываемом Мишелю Лейрису, которого вы цитируете в начале вашей книги, отвечающему на вопрос: «Почему вы не захотели иметь детей? Потому, ответил он, что «потом мне бы казалось, что, когда я сплю с их матерью, я совершаю инцест». Расширение инцеста на инцест второго типа, обобщение измерения инцеста... Как вы объясняете это относительное совпадение?

Ф.Э.: Честно говоря, я не задавалась целью обнаружить связь с психоаналитической интерпретацией. Я рассматриваю проблемы в моем стиле, в рамках моей дисциплины: это, как вы говорите, неточность науки, да-

же если в настоящее время некоторыми моими коллегами прилагаются усилия сблизить эти две перспективы. Я считаю, мне очень многое предстоит сделать теми инструментами, которые находятся в моем распоряжении. Если инцестуозное измерение равнообъемно сексуальной жизни вообще, тогда оно равнообъемно и вещественной природе тела, жидкостям, производимым этим телом, от которого они отделяются. Если бы я попробовала приблизиться к психоанализу, я бы изучила первые объекты ребенка: мать, первичный объект, на котором он фиксируется, и задала бы себе вопрос о моменте в истории каждого индивидуума, когда происходит разделение между природой и телом. На этот вопрос я бы не сумела ответить, в какой именно момент это случается, но мне думается, что в аналитическом рассказе выявляется момент развития, когда ребенок осознает, что существует разрыв, нарушение связи между телом матери и его телом, что это его тело, которое одновременно и автономно, и зависимо от тела матери. Я спрашиваю себя, можно ли начать отсюда, чтобы понять различие, антропологически установленное. Я полагаю, что вопрос об отношении между природой и плотью начинается с этого момента онтогенеза, через который все мы проходим. Это гипотеза, касающаяся в одно и то же время различия между телами и сложности их разделения: природы, зависимости от привилегированного кровного родства через связь с матерью и плоти, момента осознания разрыва.

Ж. А.: Момент сепарации, разрыва, парадоксальным образом именно тогда улавливается неразрывность, от которой мы никогда не избавимся.

Ф. Э.: А также дискретность, потому что природа и плоть являются двумя аспектами действительности. В этом смысле в связи с этой сложной проблемой Лейрис

попадает в цель: такое утверждение очень трудно распутать, ибо оно предполагает обсуждение невозможности допущения полной разрывности, его самого от собственной матери. Он сам, будучи неспособен отделаться от вещественного отношения со своей матерью, вступает в телесный инцест с матерью своих детей посредством странной триангуляции: каждый раз он спит с матерью, и даже сам с собой, потому что его собственное тело зависимо от тела его сына, зависимо от тела его жены, матери ребенка, являющегося его телом, которое не отделено от собственной матери. Речь идет об очень сложном конфликтном ансамбле, так как сам Лейрис не смирился с сепарацией от материнского тела. Таким образом, он совершает инцест по отношению к своему сыну и к своей матери.

Ж. А.: Вы пишете: «Запрет инцеста есть не что иное, как отделение от одного и того же, от идентичного, аккумуляция которого, наоборот, вызывает опасение в силу своей пагубности». «Невообразимо совершенным, – пишете вы далее, – является сексуальное отношение между тем, что является абсолютно идентичным». В чем заключается опасность? В том, что идентичность бесплодна. Что может родиться из инцестуозной связи между матерью и дочерью – парадигматической пары идентичного в вашем построении? Чтобы что-то новое произвести, воспроизвести, следует, *a minima*, ввести что-то различное. Невообразимое, порицаемое относятся к идентичному. А не к различному, и это независимо от того, о каких культурах идет речь. Согласно вашей теории, устанавливается иерархия опасностей. В то же время удивительно как вы отвечаете на возражение, что существуют общины (индейские, скажем), которые легко допускают единение между мужчиной и его матерью, или дочерью, или его сестрами. Создается впечатле-

ние, что в этот момент ваше рассуждение допускает изменение, возвращаясь к комбинаторному формализму, к гамме бесконечных возможностей, смягчая привилегию, предоставленную объединению идентичного и его запрету с точки зрения опасности, которую оно представляет; как будто покинута смысловая область, чтобы вновь обрести примат структуры. Инцест, повсеместно запрещенный, несмотря ни на что, постоянно поддерживает эксцесс идентичного, его объединения и никогда – эксцесс различного.

Ф.Э.: То, что инцест постоянно находится на стороне эксцесса идентичного, верно; также верно, что он имеет следствием либо отсутствие продуктивности воображаемого, либо чудовищную продуктивность; верно также, что инцест считают замыканием в себе или в группе, в кровном родстве, и что это замыкание препятствует созданию социального. Несмотря на это, существует и опасность эксцесса отличного, но другого порядка, чем опасность, вызванная эксцессом идентичного. Почему? Потому что все люди рождаются и живут в среде реляционной близости, состоящей из единокровных и живущих на одной территории. Именно здесь с детства берут свое начало разные человеческие страсти. Призыв к различию может исходить только от взрослых, организуемых вокруг протеста или желания избавиться от заранее заданного существования. Итак, только эксцесс идентичного служит целью или вызывает страх. Но существует и опасность эксцесса отличного, не являющаяся опасностью бесплодия через сгорание (эксцесс тепла) или через сжижение (эксцесс влажности), а касающаяся распада идентичности. Немного инородного не помешает (часто бывают истории с рождением потомства, происходящего от соединения коренной женщины с королевским или знатным потомком)

в том смысле, в каком чужое инкорпорируется в группу; слишком много из того, что является чуждым, считается гибельным. Укажем лишь на озабоченность западных обществ в отношении смешения не только с разными людьми, но и с другими культурами.

Несмотря на это, в регистре идентичного фактически имеется гамма возможностей. Каждое общество строит свое представление об ареале кровного родства, его расширении, а также об необходимости запретов, вытекающих из запрета инцеста, из его репрезентации как основной идентичности и тех векторов, посредством которых производится его передача (это не всегда родители, часто лишь один из них). У каждой из этих вариаций имеется своя логика, если рассматривать это в глобальных рамках. Но полученная картина не будет целостной, если не касаться местных концепций относительно того, что идентично и что различно. Например, иногда мужчине запрещено жениться на двух сестрах, за исключением обстоятельства, когда они близнецы. В этом случае, наоборот, он должен жениться на обеих. Потому что речь идет об одном и том же лице, в двух физических формах, которого нельзя разрезать пополам. У этих концепций каждый раз своя логика, и они представляют гамму или векторы существующих возможностей. «Гамма», «вектор», я использую эти выражения, так как в рамках вопроса, который задают себе люди об отношении между веществами, количество полученных ответов очень велико, а эти ответы могут иметь положительный или отрицательный смысл. Если сделать примерный расчет, я бы сказала, что три из четырех обществ дают отрицательное определение совмещению идентичного. Исходя из этого, добавим, что каждое общество распространяет идею идентичного и на другие области, за пределы сферы сексуального контакта и мат-

римониальных союзов, предлагая самые разные ответы. Очень редко встречаются общества, в которых запрещено совмещение идентичного во всех областях, начиная с кухни и доходя до медицины и брачных союзов. Можно запретить брачный союз между близкими людьми, считая, что инцест первого и второго типа имеет пагубное последствие, ведет к вырождению, и в то же время искать позитивные эффекты от соединения веществ, имеющих идентичную природу, чтобы, например, излечить такие болезни, как абсцесс или туберкулезный аденит, посредством применения менструальной крови.

Ж. А.: Это должно означать, что, например, в индейских общинах, где мужчине разрешено жениться на двух сестрах даже одновременно, проблематика, касающаяся идентичного, ставится по-другому, на уровне других отношений? Речь, таким образом, идет не столько о переходе от идентичного к различному, сколько, скорее, о перемещении идентичного?

Ф.Э.: Собственно, да, так оно и есть. Понятие идентичности не всегда расположено в том же месте, и это мы должны понять. Возникает вопрос, но количество ответов может быть диаметрально противоположным в двух разных обществах. В каждой культуре по разным причинам существует целый диапазон ответов, из которых мы можем вывести главные черты изменчивости. Я не думаю, что существуют ситуации, в рамках этой изменчивости ответов, которые не поддавались бы антропологическому исследованию. Чисто умозрительно это возможно, но был сделан широкий обзор существующих и прошлых обществ, так что мы не думаем, что можно было бы найти – ведь обнаруживаются еще неизвестные виды растений и животных – такое общество, которое предстало бы перед нами небывалым образом или которое мы не могли бы вообразить. Но оставим на заметку

эту возможность. Во всяком случае все общества всегда имеют своеобразное определение идентичного в зависимости от гаммы возможностей. Мы можем ссылаться на них как на векторы. Каждая рассматриваемая нами тема представляет собой вектор, идущий от отсутствия темы в одном месте до ее предельного присутствия в другом со множеством возможных промежуточных ситуаций. Чтобы лучше понять, что такое общество, я использую метафору игры Микадо. Это палочки, которые мы бросаем в груды, каждая палочка касается, по крайней мере, двух других палочек, если не больше: если мы вынимаем одну, существует риск, что все остальные расположатся совершенно по-другому. Каждая из палочек Микадо представляет собой вектор, соответствующий одной теме, как, например, теме понятия идентичного. Они представляют разные темы, от самой технической до самой идеалистической. Общество определяется точками соприкосновения, на первый взгляд, произвольными, которые устанавливаются в определенной конфигурации в результате вбрасывания палочек в игре Микадо, вбрасывания, которое будет совсем другим, когда его выполнит другой участник, представляющий функционирование другого общества, где векторы будут иметь другие точки соприкосновения, расположенные по-иному. Для меня общество есть результат вбрасывания набора палочек Микадо, в результате которого они соприкасаются друг с другом без того, чтобы какая-то из них была целиком изолирована, не имела ни единой точки соприкосновения. Ансамбль палочек представляет культурные «выборы» обществ. Слово «выборы» не очень-то удачное, так как оно включает, как правило, сознание акта выбора, тогда как на самом деле речь идет о наборе взаимных обусловленностей, подчиняющихся игре взаимных разногласий и адаптаций. У меня нет другого термина,

чтобы охарактеризовать появление этого типа конфигурации, который не является ни разумным, ни сознательным и который все же принимает характер обязательности. Каждая из конфигураций одного вектора предполагает связь с другими векторами, также имеющими обязательный характер, при этом некоторые связи могут и отсутствовать; в этом состоит логика ассоциаций и превращений. Это означает, что на вопросы об эффектах совмещения идентичности через природу или плоть получаемые ответы не будут одинаковыми.

Я решила сосредоточиться на самом инцесте, и если посредством понятий природы и плоти я выделяю что-либо, касающееся определенных аспектов гомосексуальности, то все же не буду останавливаться на отношениях между инцестом и гомосексуальностью. Чтобы коснуться примера своеобразных конфигураций и способа, которым оценивается инцест в конкретном обществе по гетеро- и гомосексуальному типу одновременно, возьмем население Намбиквара. Леви-Стросс показывает, что у них существуют сексуальные игры между двоюродными братьями, между некоторыми из них, а эти сексуальные игры между мальчиками прекращаются тогда, когда один из них женится на сестре другого. Эти игры практикуются между двоюродными братьями из скрещенного потомства и никогда между двоюродными братьями из параллельного потомства. Отсюда следуют две вещи: идентичность форм, которая не является неотделимой идентичностью кровного родства, и другой тип идентичности, родовой на сей раз, поскольку две сестры больше похожи друг на друга, нежели брат и сестра, – весьма серьезная отправная точка для концептуализации родства, для создания системы типа родства. Кроме братьев, сама эта идея идентичности затрагивает родителей и детей того же пола,

мать и дочь, отца и сына, что, кстати, не будет оспорено никем из нашего общества; далее формулируется родовая половая идентичность: мальчик похож на другого мальчика, девочка похожа на другую девочку. С другой стороны, внутри этой родовой половой идентичности введена формальная дихотомия между двумя партнерами, которых мы одинаково называем двоюродными братьями, рожденными будь то от двух братьев (параллельно), будь то от брата и сестры (перекрестно). Предпочтение отдается браку между двоюродным братом и двоюродной сестрой, рожденными от брата и сестры, а сексуальные игры между мальчиками имеют место между двоюродными братьями одного и того же пола, следовательно, рожденными от той же пары скрещенных братьев и сестер. Идентичность в форме мужского пола в Намбиквара не является, таким образом, препятствием для сексуальной игры, подчиняющейся правилам; игра доступна не любому, а только двоюродным братьям скрещенного потомства, что предвосхищает сексуальное единение между мальчиком и девочкой. Если идентичность мужской формы не является препятствием для сексуальной игры, она им станет тогда, когда включится двойная вещественная идентичность природы (женитьба одного на сестре другого) и плоти: ибо, живя с нею, если бы муж продолжал сексуальную игру с ее братом, он привел бы в соприкосновение два идентичных тела, на этот раз по природе, брата и сестры. Это свидетельствует о том, что, позволяя сексуальные игры только между двоюродными братьями скрещенного потомства, о которых известно, что один из них женится на сестре другого, запрещая ее тогда, когда брак состоялся, Намбиквара по-своему играет тем же самым понятием природы и плоти. Другого правдоподобного объяснения нет. Для чего еще разрешать эту сексуальную

игру только между такими двоюродными братьями? Потому что им нравится играть с идеей вещества. Что было бы вещественным в отношении между братом и сестрой, что было бы вещественным на уровне плоти, на этот раз, в сексуальной связи мужа и его жены? Какое короткое замыкание установилось бы в их душе, если бы муж продолжал в то же время спать с братом и с его сестрой?

Ж. А.: Это как исследовательская игра, причем постоянно на грани запрета...

Ф. Э.: Да, постоянно на грани запрета. В этих играх, разнообразные примеры которых мы находим во многих обществах, присутствует экзальтация перед катастрофой, экзальтация перед запретом, удовольствие поддаваться искушению, гомосексуальному в этом случае. Здесь я не рассмотрела проблематику связи между инцестом второго типа и гомосексуальностью. Фраза Лейриса выражает ее весьма ясно, как в *Царе Эдипе*, так и в точных этнографических наблюдениях. Намбикварская игра показывает возможные варианты, когда прекращается временный запрет, предъявляемый будущему шурину, один из которых предвещает жену (чьим братом является), а другой – мужа.

Ж. А.: Чтобы поддержать свою точку зрения, вы вернулись к *Царю Эдипу* Софокла и процитировали тот стих, в котором Иокаста обращается к царю Эдипу: «Как могли несчастные следы отца, в тишине привести тебя в сюда?» Кроме матери, следовательно, произошла и инцестуозная встреча с отцом. Гомосексуальный инцест посредством общего партнера. Инцесты первого и второго типа, стало быть, осуществляются внутри одного и того же направления. Психоаналитическая интерпретация охотно следует за вами, поскольку с момента формулировки комплекса Эдипа в 1923 году подчеркивает двойственную форму (гетеро- и гомосексуальную, по-

ложительную и инверсивную) инцестуозного фантазма. В свою очередь, может создаться впечатление, что вы склонны по-разному оценивать различные фигуры. Вы доходите до того, что считаете инцест мать/дочь второстепенным по отношению к более скрытому, более опасному соединению между отцом и сыном посредством аккумуляции идентичного? Мы можем дополнить эту проблему и другим измерением: Фрейд обращал внимание в основном на желание сына; остается желание Иокасты, и Софокл дает нам понять, что и оно было в поле зрения; итак, остается та характеристика желания, которая перевертывает отношения между поколениями. Стоит ли об этом рассуждать, как вы считаете?

Ф.Э.: Что касается Эдипа Софокла, на первый план выводится инцестуозная встреча с отцом, и я согласна с данной точкой зрения. Это верно как для Эдипа, так и для Гамлета: инцестуозная встреча с отцом. Итак, в одном и том же движении смешиваются два инцеста, с отцом и с матерью, с акцентом на гомосексуальность, добавляя в инцестуозную встречу дважды идентичное вещество, путем кровного родства по мужской линии, между отцом и сыном. Это не означает, что связь мать/дочь менее важная, чем этот союз, являющийся более тайным, по крайней мере, через призму наших современных умов. Например, в греческом мире, типичном для культурных вариаций, о которых мы говорили, примат принадлежит «природе» и связи между мужчинами, гомосексуальности отца и сына, которая становится гомосексуальной связью посредством общей женщины, являющейся матерью одного из этих двоих. Греки выделяли лишь единокровные связи между мужчинами, поскольку в древней Греции мать была только носителем и материей, которыми пользовался отец, чтобы иметь сыновей.

Напротив, проблема, выдвинутая желанием Иокасты, на самом деле является самой интересной. О ней умалчивается, если даже, как вы говорили, Софокл дает понять, что она это знала или предполагала. Мы можем быть в этом уверены не только через Софокла, но и думая о реальности вещей, как они нам преподнесены, ибо Иокаста знала, что у нее был сын и что Эдип был именно того же возраста, что и сын, если бы он был жив. Она не могла этого не знать. Вопрос, возникающий в этом случае, которым я не занималась, это вопрос о желании женщин, завуалированном желании, никогда не выражаемом так откровенно, как это делают мужчины, хотя желание мужчинами женщин есть желание, которое все общества, в том числе наше, считают нормальным, правильным, легитимным; нормальным даже считается, что оно направлено на молодых девушек, про которых молва говорит, что они могли бы быть их дочерьми. Идея, что мужчина может состоять в законном браке с женщиной, которая в двойном смысле, метафорическом и реальном, годится ему в дочери, не вызывает слишком серьезных вопросов. Зато о симметричном желании женщины не первой молодости того мужчины, который годился бы ей в сыновья, о таком желании не говорится никогда. Я думаю, что здесь мы имеем дело с фундаментальным элементом, до настоящего времени, оставленным без внимания психоанализом, как и с тем, каким образом была воспринята общественным мнением дифференциальная валентность полов в соотношении со статусом социального доминирования женщин, а также с психологическим доминированием, доходящим до вытеснения.

Ж. А.: Несмотря на это, интересно отметить, что именно при посредстве психоаналитического подхода к психозам обнаруживается кое-что об инцестуозных связях мать/сын, от матери к сыну...

Ф. Э.: Что касается моих интересов, то речь идет не столько об инцестуозной связи между матерью и сыном, сколько о желании женщины – той, о которой говорят как о «старой шлюхе», чего не говорится о мужчине – о желании оставаться молодой; фактически речь не идет о простом желании сохранить молодость, а о чем-то более глубоком, о секретном побуждении, о желании того, кто мог быть ей сыном; не обязательно сыном, но того, кто мог бы быть в возрасте сына. Это категории репрезентаций и мыслей, о которых я думаю, что они находят универсальное выражение при помощи поведения, привычек, ритуалов, мифов и т. д., но при этом никогда не являются симметричными для мужского и женского полов. Это касается дифференциальной валентности полов, подавляющей и скрывающей некоторые из этих тем путем наказания и внушения чувства вины женщинам; тем не менее они существуют. Иокаста знает, что Эдип мог бы быть ей сыном, но что она делала с этой догадкой, остается тайной.

Ж. А.: Вы упоминаете о долге, который вы имеете перед Рео Фортуне, особенно за одну его замечание в статье 1932 года, в которой он пишет: «Особый акцент, который постоянно ставился на отношении между запретом инцеста и упорядочением браков, имел следствием тот факт, что практически никогда не обращалось достаточно внимания на гомосексуальный инцест». Просто удивительно, учитывая место, которое вы отводите совмещению идентичного и его опасностям, то значение, которое гомосексуальность принимает в вашей аргументации. Я думаю, что тем, кто сделал первый шаг в этом направлении, был Жорж Девере, когда он по-своему истолковал утверждение Леви-Стросса: «Мужчинами являются те, кто совершает обмен женщинами» в смысле гомосексуальности (братья и шурины), замас-

кированной и переданной по совместительству. В какой мере ваша концепция согласуется с легализация гомосексуального союза, как это осуществляется во французском обществе при посредстве PACS¹? Бурный характер дебатов дал понять, что такое изменение не проходит без конфликтов. Но быстрота последующего коллективного принятия, широкое распространение PACS, наоборот, свидетельствуют об изумительной способности социального корпуса видоизменять иерархию представлений. Как возможно, чтобы общество, столь резко выступающее против совмещения идентичности, почти безболезненно перешло бы к обратной ситуации?

Ф.Э.: Я не захожу так далеко в интерпретации, как Девере, утверждения Леви-Стросса, будто мужчины совершают обмен женщинами в смысле гомосексуальности, осуществленной по доверенности. Гомосексуальный инцест, является, по моему мнению, фундаментальным элементом этой удивительной комбинаторики инцеста второго типа, хотя бы только потому, что когда речь идет об отклонении в совмещении идентичного, на ум нам тут же приходит ситуация его присутствия.

Относительно широкого распространения PACS не думаю, что я полностью согласна с вами. Гомосексуальное измерение, да, существует, оно является одной из составных частей игры, при том что компоненты варьируют в индивидуальной истории по сравнению с историей обществ, а также с историческим временем каждо-

1 PACS, Le pacte civil de solidarité (*фр.*) – гражданское соглашение о солидарности. Это контракт, который заключается между двумя физическими лицами для организации их совместной жизни.

Лица, заключающие контракт, должны быть совершеннолетними, разного либо одного пола. Имеется ряд ограничений для родственников. – *Прим. пер.*

го общества. То, что я оспариваю, это идея удивительной способности социального корпуса драматически изменять иерархию репрезентаций; для меня введение PACS не ударило как гром среди ясного неба и не перечеркнуло сразу архаические репрезентации, присутствующие до того времени. Существовало множество модификаций, предшествующих этому преобразованию. До этих предшествующих модификаций в течение нескольких десятилетий существовал переходный период, отход от коннотации безнравственности, в том числе в Англии, где очень поздно отказались от наказания за гомосексуальную связь. Утилитаристские коннотации, идея, что гомосексуальные союзы, непродуктивны, ведут к социальной смерти, уступили затем место интересу к индивидуальной реализации и свободе.

Глобальные репрезентации пришли к нам из архаического прошлого, от истоков человечества; у них было достаточно времени, чтобы стать обычными репрезентациями *homo sapiens*: они основываются на том, что человек может познать мир только ограниченными способами. Вещество, природа, тело находятся в разряде видимого. Затем мы открыли линзу и микроскоп, и появилась возможность видеть и анализировать определенное количество объектов, невидимых невооруженным глазом. Сегодня работа идет на уровне генов, но это движение, начатое со времени научного открытия, позволяющего нам проникнуть в природу вещества, началось лишь несколько веков назад. Открытие гамет датировано концом XVIII века, открытие генов произошло всего лишь несколько десятилетий назад. Мы продолжаем жить и ментально функционировать, согласно способам архаической репрезентации, меняющимся очень медленно, хотя пришло время понять их глубже, а не поверхностно. Сейчас мы рассматриваем их иначе,

другими средствами, и у нас другие виды знаний. Это ведет к тому, что мы сопоставляем современные системы репрезентации, касающиеся реального знания порядка вещей (по крайней мере, на нашем современном уровне познания), и архаические системы репрезентаций, свойственные предшествующим способам мышления, от которых трудно полностью отказаться.

То, что сегодня мы называем кровным родством, определяется совсем по-другому, чем определялось ранее. Сегодня нельзя сказать, что мужчина является тем, кто посредством своей спермы дает кровь ребенку. Поэтому PACS не было потрясением, случившимся внезапно, а является лишь финальным знаком определенного количества потрясений, которые произошли до этого и которые сделали его возможным. Ситуации, о которых никто и подумать не мог, даже в воображаемом плане, приемлемом для рассудка членов того или иного общества, в определенный момент истории, с перерывами и под разными влияниями, в один прекрасный день оказались возможными. Это является минимальным условием, чтобы они могли осуществиться и, как и в случае, о котором мы говорим, получить одобрение закона.

Ж. А.: Вы пишете: «Я считаю, что запрет, которому должен подчиниться мужчина в случае двух сестер или матери и своей дочери, в то же время и в том же месте, является парадигматическим для запрета инцеста второго типа». По-моему, эта формулировка содержит заметную перестановку, как в отношении теории Леви-Стросса, для которого парадигматическая пара для запрета, скорее, пара брата и сестры, так и в отношении теории Фрейда, для которого истинный инцест есть инцест мать/сын. В то время как вы помещаете в центр вашей концепции и женскую гомосексуальную пару, идет ли речь о двух сестрах или о матери и дочери. Если

вспомним, что мать является лицом, которое не было принято во внимание в системе родства Леви-Стросса, можно сказать, что у вас совсем другой подход к этому вопросу. Несогласия со взглядами Фрейда меньше: он ссылается на различие между полами, исходя из примата фаллоса: он есть или его нет, первый пункт бинарной и структурирующей логики. Разница создается одним полом, его присутствием или отсутствием. И для вас разница создана одним полом, но в зависимости от того, способен он или не способен к порождению. Теория, в которой порядок приоритетов, следовательно, совсем обратный. Согласны ли вы с такой интерпретацией вашего подхода?

Ф.Э.: Да, я считаю, что запрет, применяемый в случае двух сестер или матери и дочери, является парадигматическим для запрета инцеста по причине этой обескураживающей ситуации, интуитивно доказанной в намбикварской игре, ситуации, впервые формулирующей хеттский закон, запрещающий мужчине заключать брак одновременно «с двумя сестрами и с их матерью». Но эта формулировка особо явственно доказывает, что в рамках мужского господства (ибо все соотносится с этим) невозможно выступать от имени женского с позиции Эго как правового субъекта. Все правила составляют во имя мужчины: говорится, например, что мужчина не может жениться на жене своего брата, а не что женщина не может стать женой этих двух братьев. Невозможность женщин предстать в качестве правовых субъектов приводит к тому, что с юридической точки зрения нельзя утверждать, что женщина не может сочетаться браком с мужем своей матери, с мужем своей сестры или с мужем своей дочери. И так, чтобы это можно было сказать относительно мужчин, при условии, когда не существует кровной родовой связи или брачно-

го союза между мужчиной и этими женщинами, необходимо сделать невероятное усилие и узаконить невозможность мужчины жениться одновременно «на двух сестрах и на их матери». Поэтому, комплекс инцеста второго типа на самом деле связан в этом смысле с дифференциальной валентностью полов.

Если я ссылаюсь на инцест второго типа между двумя сестрами и их матерью как на фундаментальный инцест, то это потому, что здесь существует тройное соединение формы, природы (кровного родства) и плоти. Это соединение существует и в отношениях отец/сын. Несмотря на это, я выдвинула на первый план отношения мать/дочь, ибо одна является потомком другой путем самого акта рождения. В отношениях между отцом и сыном можно с тем же успехом сказать, что один является потомком другого, но посредством тела матери; сын является, в первую очередь, ее сыном. В этом кроется причина, по которой я отнеслась к инцесту мать/дочь как к фундаментальному образцу инцеста. Что касается сестер, они рождены из одного и того же тела женщины, из которого обретают форму, единокровную природу, через которую происходит соприкосновение посредством одного общего партнера. Это отклонение от теории Леви-Стросса, где парадигматической парой в рамках теории обменов является пара брата и сестры. Это правильно с его точки зрения и для его перспективы и, кстати, я продолжаю работать над глубоким смыслом отношений, существующих между братом и сестрой.

Все вышесказанное привносит смещение относительно структуры родства по Леви-Строссу. Но в этой структуре речь не идет об инцесте. Структура родства построена в зависимости от частного видения Леви-Стросса, отдающего дань определенной эпохе. Леви-Стросс не поднял вопрос женского права. Он не учел

дифференциального значения полов. Он не задавался вопросом, *почему* именно мужчины обмениваются своими сестрами, а не наоборот, или почему не те и не другие; ответ казался само собой разумеющимся: закономерно, что женщины находятся в распоряжении мужчин, а сестры в распоряжении братьев. Структура родства соответствует действительности, которую он должен был трактовать критически, но это показалось ему необязательным, ибо он, как и Аристотель, не придавал значения мужскому примату.

Что касается вопроса о том, что представляет собой фаллос, это меня всегда интриговало. Как Леви-Стросс никогда не ставил вопроса женского пола для выявления социальных структур или присутствия/отсутствия матери в структуре родства, так же примат фаллоса не обязательно есть реальность, соответствующая тому, что переживают и испытывают девочки всего мира, а не только девочки нашего западного и христианского мира. Я не задавалась целью узнать, какой позиции я придерживаюсь относительно этой теории; она кажется мне фальшивой. Мужское господство – это не ложная теория, а, наоборот, характеристика женщины через отсутствие.

Ж. А.: Тело, телесные вещества, жидкости занимают решающее место в модели, которую вы строите. Тело и понятие вещества, таким образом, вновь включены в суть проблематики инцеста. Дюркгейм в известной статье 1898 года выдвинул подобную теорию, ассоциируя табу инцеста с табу крови. Даже если вы ссылаетесь на разнообразие жидкостей, возникает ощущение, что, отводя в вашей аргументации определенное место зачатию и плодовитости, вы предполагаете иерархию жидкостей и что в рамках инцеста второго типа «инцестуозной» жидкостью является преимущественно уже не кровь, а семя...

Ф.Э.: Это не совсем так. Дюркгейм говорил о крови, но в родовом плане, в плане клана, в то время как мы имеем дело с флюидом, циркулирующим в каждом теле индивидуально. Но для меня вещества являются и самим телом. Случается, что эти вещества могут выйти из тела и перейти из одного тела в другое. К примеру, молоко через прием пищи и сексуальные жидкости через копуляцию, а также через глотание. В большинстве систем репрезентации сексуальные жидкости происходят из пищи и образуются путем переваривания пищи внутри тела. Переход от одного регистра к другому более или менее сложный. Согласно мысли Аристотеля, семя и молоко проистекают из крови, путем пищеварения разной степени интенсивности, а кровь образуется из пищи; в других культурах, в индусской, например, путь достаточно сложный: в процесс включаются жир, костный мозг, кровь. Итак, существует много способов представления об источнике жидкостей. У нас замалчивается идея женского семени, а в других обществах признано существование жидких веществ, которые могут быть произведены телом женщин, скажем, в момент коитуса. Итак, я соглашусь с вашей формулировкой, если вы допускаете, что «семя» с его производными может касаться обоих полов: менструальная кровь, молоко в случае женщин и т. д., а иногда и моча. В Восточной Африке знакомство молодой девушки с будущим мужем, которому она обещана в жены еще с детства, производится через растирание конечностей мочой будущего мужа, ежедневно, еженедельно или ежемесячно, особенно по внутренней части ляжек. Этими растираниями тело девушки заранее соприкасается с более слабой жидкостью, с чужеродным веществом, что поможет ей иметь иммунитет, когда она столкнется с более сильной жидкостью: спермой своего мужа. Этот обычай, кстати,

отвечает на один из важных предыдущих вопросов: опасным может быть не только слишком много идентичного, но и слишком много различного. Игра веществ может стать весьма сложной.

Ж. А.: У меня создается впечатление, что в вашей концепции невозможно ощутить разницу между вопросом, который вы себе задаете о запрете инцеста, и вопросом, касающимся мужского господства. Вы воспринимаете это господство как противодействие, как способ оспаривания чрезмерной привилегии женщин рожать детей обоих полов, одинаковых и разных. Если вы имеете в виду тот факт, что матриархат никогда не был осуществлен, никаким обществом, прошлым или настоящим, возникает все же ощущение, что он тайно, как будто от этого следует защищаться любым способом, организует вышеназванное мужское господство. Безусловно, существовали и другие теоретические, антропологические и психоаналитические попытки коснуться этого господства. Морис Годелье упоминает об опасности, которую несет «естественно» распущенная женская сексуальность, так как последняя отделяет овуляцию от инстинктивной регуляции. Что касается Фрейда, он указывает на связь между тревогой кастрации у мужчин и способом, которым проявления женского желания создают опасность возникновения этой тревоги. Кажутся ли вам эти разные тезисы взаимоисключающими, имеют ли они неравноценное значение, как вы воспринимаете их множественность и, возможно, как вы видите их взаимосвязь?

Ф. Э.: Я полагаю, что многие из этих тезисов реально можно взаимоувязать друг с другом. Во-первых, отношение между запретом инцеста и мужским господством или дифференциальным значением полов; я неоднократно подчеркивала его на протяжении этой беседы,

и действительно, я воспринимаю мужское господство как реакцию; вы утверждаете, что это могла бы быть реакция на тревогу кастрации, вызываемую у мужчин, это так, но в антропологической системе понятий, которую я разделяю, она является ответом на первостепенный вопрос, который остается в силе: почему и как женщины рожают сынов? Почему мужчины должны производить сынов, тех, что будут похожи на них, посредством женского тела? Это вопрос одновременно и устаревший и весьма актуальный. Устаревший – это видно из мифов. Мы показали это на африканских примерах, но то же существует везде, особенно в Австралии и во всем азиатском мире. В мифологическом варианте, записанном мной в Буркина-Фасо, мужчины и женщины составляли раздельные общины, обладали одними и теми же способностями, жили одинаково, и каждая община размножалась самостоятельно, мужчины рожали себе сынов, женщины рожали себе дочерей. В результате распутства, произошедшего по причине желания мужчин просто сексуально обладать женщинами, мужчины были наказаны божественным создателем, который отнял у них способность воспроизводиться, доверив это женщинам. В других частях света мы встречаем весьма интересный миф, передающий свидетельства других времен, исчезнувшего мира: речь идет об островах, затерянных в широких океанских просторах, обитаемых исключительно женщинами, где они воспроизводили себя сами. Речь идет об архаическом времени, когда оба пола были разъединены и размножались отдельно, собственными средствами до того, как смешение заставило мужчин и женщин проживать совместно, сочетаться браком, рожать детей известным нам способом. И существует Книга Бытия... Если мы слушаем, не вникая в тексты, то в их переводах часто находим что-то, свойственное

нашей собственной культуре... Сегодня люди снова перечитывают древнееврейский текст, чтобы понять его дословно. Между тем Создатель никогда не говорил Еве: «Ты будешь рожать в муках», это понималось слушателями – детей обоих полов в мучительных родах, он говорил: «С печалью произведешь на свет сынов». Не детей, а сынов. Итак, после первородного греха, поскольку не было точно известно, как произойдет размножение, ибо ранее не существовало деторождения, в этот момент он обрекает Еву рожать сынов, а Адама не обрекает рожать самому. А это будет делаться печально. Что-то происходит сразу после создания мужчины и женщины, до того, как у них наступит время рожать детей, что-то, ведущее к печали из-за лишения того, что могло бы быть, чего-то утраченного, может, именно способа партеногенетического воспроизведения.

На мой взгляд, мужское господство начинается с этой констатации, и с вытекающей отсюда необходимости, чтобы мужчины владели женским телом. Ибо ребенок не рождается так, как мы представляем себе рождение Христа, как луч, проходящий сквозь тело, входя в одну его часть и выходя через другую. Это происходит иначе, и требуется время, чтобы дать жизнь этому человечку. Отсюда проистекает обречение, порабощение женщин для выполнения этой задачи. Если сыновья должны пройти через тело женщин, чтобы родиться, женщины будут предназначены только для этого, их следует принуждать к рождению сыновей, и даже при отсутствии у них сына и дочери, нужны и такие, чтобы обеспечили уход за сыновьями, следили за домом и за потомством сыновей для будущих поколений мужчин. Сюда же надо прибавить все представления, связанные с кровью и с запретом для женщин допускать кровопролитие (убивать). Вначале для женщин глав-

ной была особая привилегия рожать существа, похожие на них, и существа, непохожие на них, не дочерей, но сынов-мужчин, что было непонятно, тем более, что не было ничего известно о гаметях и их роли. Распределение детородных ролей между мужчиной и женщиной стало понятным лишь тогда, когда были обнаружены гаметы. Раньше, согласно теориям, идущим от Аристотеля, мужчина был тем, кто рожал детей из своей крови. Кровь превращается в сперму, а сперма превращается в кровь в теле женщины для рождения ребенка. Сейчас уже не утверждается, как раньше, что мужчина имеет детей «из своей крови», но смысл сохранился: это прекрасно видно по тому, как оправдывается одно из преступлений против человечности, и здесь я имею в виду принуждение к беременности: этим выражается идея, что сперма мужчины является последней носительницей идентичности ребенка, его этноса, «расы» и даже его религии. Таким образом, женщины полностью лишаются своих прав, и в определенных системах репрезентаций доходит до того, что женское тело считается простым проводником или простым поставщиком сырья.

Морис Годелье основывает антропологическую теорию на женской сексуальности, по своей природе дезорганизованной, если ее не контролировать, не упорядочить овуляцией, которая указывала бы на плодотворный период, а отсюда появляется необходимость в том, чтобы мужчины ее проверяли, придумывая для этого целые системы и ансамбли социальных практик. Я не разделяю эту точку зрения хотя бы потому, что она создает предпосылку того, чтобы считать мужскую сексуальность организованной, а также и потому, что порядок выше беспорядка. Как и в рассуждении Леви-Стросса относительно содержания различий, это рассуждение

Инцест и вещество. Эдип, Аллен, другие и мы

предполагает существование некой мужской нормы, предшествующей установлению господства, которое следует объяснить.

УБИЙСТВО НОВОРОЖДЕННОГО. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТАЙНЕ ДЕТОУБИЙСТВА

Анни Биро

Попытки доведения ребенка до физической смерти являются клинической реальностью, последствия которой можно обнаружить в тяжелой патологии грудного ребенка. Насильственность и жестокость матерей появляются из-за повторения их собственной личной истории, повествующей о трудностях идентификации с собственной матерью и с плодом. Реальное физическое умерщвление ребенка не прекращает эти испытания, а делает их более радикальными, загоняя в тупиковую ситуацию еще до того, как все начнут спрашивать о влиянии тех или иных факторов. Этот вопрос стоит поднять, поскольку он мог бы внести ясность в непредвиденные несчастные случаи во время беременности.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

Убийство новорожденного (инфантицид) является убийством ребенка, который еще не был зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния. Ребенку меньше трех дней, у него еще нет имени. Это определение отличает данные действия от «детоубийств», в которых фигурируют дети постарше (филицид). Они отличаются даже по бессознательным побуждениям. Убить ребенка, которому было дано имя, который жил в семье, с которым создавались отношения, неравнознач-

но убийству новорожденного, внутриутробное существование которого отрицалось¹.

Литературы на эту тему немного². О таких случаях пишут в газетных хрониках, преследуя самые разные цели: социальные, моральные, воспитательные. Убийство обычно совершается матерью без ведома отца, которому даже не сообщили о его будущем отцовстве. Пол ребенка не имеет значения. Юридический подход к данному событию варьируется в зависимости от эпохи и культуры. У нас, во Франции, это деяние подлежит уголовной ответственности. В военное время, как правило, проявляется снисхождение по причине того, что новорожденный мог появиться на свет вследствие изнасилования или заслуживающей осуждения связи с врагом. Социальное участие может быть связано с узаконенной политикой рождаемости, например, как в Китае и в Индии (ограничение числа детей в семье или недостаточная противозачаточная пропаганда), что может противоречить желанию семьи или одного из родителей. В этом случае стечение обстоятельств придает акту детоубийства новорожденных другой смысл.

Вопреки тому, что нам приходится читать в хрониках судебных процессов или мелких происшествий, склонных ссылаться на антисоциальное положение этих женщин, матери-детоубийцы ничем не отличаются от «нормальных» матерей. Мне кажется, ничто не может помочь объективно выделить группу женщин, способных отказаться от материнства: они работают или не работают; они продавщицы, фармацевты, бухгал-

1 См. *infra*.

2 Акт инфантицида, даже вполне обычный, парализует мышление, как будто речь идет о табу в отношении того, что является живым, что, по-моему, связывает его с филицидом (убийством старших детей) или с послеродовым психозом.

теры, студентки или учительницы. Они могут быть замужем или нет. До совершения преступления в их жизни никак не проявлялись признаки психотического отклонения; родственники не сообщали о тревоге, связанной с их поведением или образом мыслей. Часто их считают смелыми, честными. В детстве у них не было серьезных проблем, иногда их воспринимали как очень рано повзрослевших. Объективные факты ничего не говорят о том, что чудовищность «этих матерей» могла бы быть замеченной или предвиденной. Относительно матерей-детоубийц мы можем допустить, наряду с Элен Давид, что «граница между нами и этими женщинами даже менее четкая, чем нам хотелось бы думать»¹.

Однако в их истории можно заметить своеобразное отношение к материнству. Ни одна из их беременностей не была заявлена, не находилась под медицинским наблюдением, как того требует кодекс здоровья. Все эти женщины доносили свою беременность до срока, скрывая ее от окружающих, даже без ведома врача. Благодаря удивительному психосоматическому содействию, свидетельствующему о защитном барьере перед внутренними конфликтами, объективно ничего не было заметно. Отрицание беременности вписалось даже в тело, которое, за исключением аменореи, ничем не выдавало намерения следовать стратегии аннулирования. На протяжении девяти месяцев все протекает так, будто ничего не происходит, будто не было сексуального акта, будто ребенку неоткуда появиться, будто их тело не должно быть подвергнуто никакому риску. Некоторые из них каждый месяц изображали месячные, принимая бесполезные меры, как бы выполняя ритуал, призванный поддержать иллюзию не быть беременной.

1 Н. David, *Les mères qui tuent*, in *La féminité autrement*, Paris, PUF, 1999. Sous la direction de J. André.

Они рожают сами: в туалетах лицеев, в комнате няни, в ванной или в спальне. И «избавляются» они сами. Они сразу же убивают ребенка, часто варварски. Делают больше, чем это необходимо: наносят многочисленные удары ножом, расчлениают. Роды у них вообще быстрые, без осложнений, без свидетелей. Будто бы ничего и не было.

То, что следует за этим, свидетельствует о возвращении к реальности. В большинстве случаев люди из их окружения находят следы. Полицейское расследование, когда речь идет об останках тела ребенка, медицинское обследование, когда речь идет о физическом состоянии пациентки, затем восстанавливаются все факты.

Столкновение этих рожениц с реальностью часто сопровождается периодом протрации, настороженности и ассоциативного оскудения. Случившееся как будто их не касается. Хотя, как я наблюдала в тюремной больнице¹ (одиночные камеры с решетками, закрытые на ключ; полицейское дежурство), все они удивляются, что их там содержат, и спрашивают, сколько еще им сидеть или когда их выпустят. Семьи часто недоумевают, поскольку тщетно ожидают с их стороны раскаяния и оправдания. Одна из пациенток, которую я спросила, почему она не сделала аборт (в те времена во Франции аборт был запрещен, но существовали известные каналы в Англии и в скандинавских странах), ответила мне изумленно: «Я не сделала аборт, потому, что он запрещен»; остальные женщины вообще не задавали себе такого вопроса. Плода никогда не существовало, и я бы ввела в заблуждение собеседника, если бы заставила говорить о нем. Все происшедшее кажется дурным сном, и они не признают, что имеют к нему отношение.

1 Salle-Cusco, Hôtel-Dieu, Paris, 1970–1973.

Общими для каждой из этих женщин были ссылки на то, что этот ребенок мог быть результатом изнасилования или семейного насилия, но в случаях, с которыми мне довелось встретиться, это оставалось на уровне фантазма: хотя они и отрицали свою беременность, отец ребенка был им известен и, на первый взгляд, не являлся объектом ненависти. Муж, любовник или случайный друг – они не противились иметь ребенка. Отношения с их партнершей, даже если были не всегда стабильными, не казались им конфликтными. Их близкие удивляли слепотой и глухотой к страданиям этих женщин, они подтверждают что те никогда не сообщали своим любовникам о нежелании иметь ребенка или о страхе материнства.

Обстоятельства, при которых я встречалась с ними, не были благоприятными для установления длительных отношений. Я посещала их максимум четыре раза в связи с госпитализацией и до того, как их переводили в тюрьму. Беседы с ними были бессодержательными. Мне приходилось словно клещами вытягивать из них слова. В их нежелании говорить чувствовалась тоска, как будто они заставляли себя молчать, отвергая печальную реальность. Они становились более разговорчивыми, когда им задавались вопросы, связанные с повседневной жизнью, тогда они показывали себя с положительной стороны.

Но они оставались безучастными, когда речь заходила о мертвом ребенке, о том, как они себя ощущали, когда ребенок находился *in utero*, любое упоминание о содеянном приводило их к молчанию и, похоже, вело к столкновению с «настоящим адом»¹.

1 S. Freud, в *Introduction a la psychanalyse*, Paris, PУ Payot, 1992.
«Ненависть легко пролагает себе путь. Желания мщения,

Из скудных сведений об их окружении нам удалось обнаружить определенные типичные черты, вопреки индивидуальным различиям. Их родители не ладят или не ладили между собой. Матери часто предстают как слабые, но добродетельные, стоические рабыни своего окружения. Тому, что кажется мазохистическим в их поведении, похоже, придается большое значение. Они страдают, но не сдаются. Отцы или мужчины в качестве отца (деда или мужа) характеризуются как властные, тиранические и жестокие. Втайне они презирают жалующихся и «стонущих» женщин. Они не справляются с функциями отца или друга матери. Они внушают страх. Иногда у них имеется определенный социальный статус. За этой семейной картиной фактически кроется идеализированный отец и опасная мать, которую следует остерегаться. Можно отметить неуверенность идентификаций и слишком маленький диапазон маневров в защитной экономике, когда они пытаются избежать переживания угрожающей пустоты, которая появилась бы вместе с принятием идеи генитальной связи между родителями, так мало подходящими друг другу.

Убийство новорожденного

В уже цитированном замечательном тексте Элен Давид говорит о «подавленных и виноватых матерях», которые, подобно Медее, решили покинуть этот мир, взяв с собой и плоды разочаровавшей их любви. Из этого следует, что эти измученные женщины не верят, что они

желания смерти самым любимым людям в жизни... далеко не исключительные явления. Эти вытесненные желания, похоже, представляют собой настоящий ад».

смогли бы найти в материнстве удовлетворение жадной и безграничной оральности, перед которой ни один партнер не смог бы устоять. Тогда убийство этого ребенка понимается как попытка стереть любой след утраченной любви. Отсюда мы понимаем, что их собственное детство было полно страданий, что привело к неспособности радоваться жизни иначе, как через повторение и поиск безумной любви. Напрашивается вывод, что их поступок является попыткой отдалиться от своих детей, «жизнь и будущее которых они изображают как неприемлемые», которые должны были бы излечить их собственные раны, в то время как, напротив, эти дети представляются им не только наполненными теми же страданиями, через которые прошли и они, но и неспособными оправдать их надежды быть любимыми и избавиться от ненависти. Эти убивающие матери в целом стремятся в своем безумии покончить с собственной жизнью.

Матери-детоубийцы относятся к другой категории. Форма, которую принимает их поступок, избегает болезненного эксгибиционизма коллективного суицида. Их поступок тайный, скрытый. Они ничего не говорят о своей личной жизни, как не говорят и о своей беременности. Тот факт, что они убивают существо, которого не знают – внутриматочное незнакомое в той мере, в какой они отказались от любого воображаемого или фантазматического общения на протяжении девяти месяцев совместного существования – дает им гарантию, что «ничего не случилось». Лишь тогда, когда младенец врывается во внешнюю реальность, вызывая роды, которым они не могут противиться, как противились беременности, они совершают последний и трагический жест, посредством которого восстанавливают защитную систему, более не охраняющую их чувство су-

ществования. Этот поступок выражает их желание быть «как прежде». И все свидетельствует о том, что отсутствие аффективной реакции перед лицом смерти вытекает из молчаливого упорного неприятия действительности в попытке вновь обрести прежний гомеостаз. Неприятие установилось еще с момента зачатия ребенка. Смерть – это последняя возможность для уничтожения следов того, на что может быть обращено взыскание; наличие конфликта обнаруживается, только когда при родах появляется кровь, конфликт, который мы не можем предчувствовать или предугадать никаким предыдущим симптомом, несмотря на то, что разрушительные силы действуют – но ни одно слово их не выдает, ни одно! Молчаливая и, безусловно, отчаянная настойчивость, с которой они ссылаются на «прежнее положение», поразительна. «Когда я выйду отсюда? Когда я вернусь домой? Почему я должна встретиться с судьей?» Эти слова указывают на страдание неуверенного ребенка, который боится худшего. Несмотря на это, горе не проявляет себя; они плачут редко.

* * *

Мы находимся в нарциссическом диалоге, ставкой в котором является выживание матери. Речь идет о последнем защитном маневре Я, которому угрожает какая-то воображаемая катастрофа, вызванная родами, выявляющими истину, которая должна была бы остаться скрытой. Влечение к объекту стирается в пользу влечения к Я. Чувство существования у этих женщин, похоже, не смогло бы противостоять не только присутствию грудного ребенка, против появления на свет которого их тело и их психика бунтовали и боролись, но и объективации первосцены. Ребенок стал объектом отрицания – он не был плодом фантазма, не был воображае-

мым¹ – и если «наше бессознательное экспериментирует со смертью, будто бы с незначительными вещами», остается узнать, какую угрозу создает этот безымянный комок мяса, чтобы реальность уступила первенство «проявлениям призрачного мира».

Им кажется, что они убивают то, что вызывает у них страдания, и это не всегда связано с первой беременностью. Некоторые из них уже стали матерями, и их дети растут рядом с ними без всякой угрозы для жизни. Вместе с тем известно, что «материнство», если использовать определение Ракамье, – это процесс, не всегда развивающийся при первой беременности, и что он может набрать силу даже после нескольких беременностей, намного позже. Итак, беременность не ведет автоматически к созревающим, психологическим и аффективным, нарциссическим и либидинальным изменениям, способствующим установлению новых видов равновесия. Эти процессы могут развиваться или «утавляться энергично защищающимся Я: таким образом, мы видим женщин, на которых не сказывается ни период беременности, ни период после родов». А Ракамье добавляет, что вообще речь идет о женщинах с очень глубоко спрятанным неврозом или о маргинальных, а также о слишком нарциссических личностях. Эти наблюдения позволяют допустить, что детоубийство является признанием невозможности включиться в процесс материнства. Убийство новорожденного вписывается в категорию послеродовых расстройств, как парасихотическое постнатальное проявление.

1 Одна из наших пациенток накануне родов обратилась к врачу по поводу гриппа. Он, как и другие, не заметил беременности, но мы не можем не думать о том, не шла ли речь о призыве к помощи, то есть о моменте, когда можно было бы приблизиться к конфликту.

Несмотря на это, при послеродовых психозах не отрицается надоедливый плод; он включается в сеть значений, напоминающих об инцестуозной близости матери и о предшествовавших трудностях идентификации с нею, а также с тем или с той, которого или которую она носит в себе – эти предрасположенности основаны на факторах окружения, то есть на отсутствии внешней иерархизации, предоставленной мужем, семьей, врачом-акушером. Аффективные условия окружения затрудняют интеграцию плода в собственное тело, хотя «закономерная амбивалентность чувств к этому будущему ребенку мучительна». Так, мы можем увидеть, как за считанные часы, предшествующие родам, появляются признаки «острого психоза». Сильная тревога, полная бессонница (но часто лишь в воображении обслуживающего персонала) может привести к смерти младенца. Несмотря на это, наступлению смерти мешает появление бреда (обычно бреда филиации, отрицающего рождение или даже сексуальную деятельность). По этой причине ребенка отбирают у матери, считая ее опасной, и отдают бабушке по материнской линии или в органы опеки. Таким образом, «реализуется бессознательное желание этих женщин, которые не смогли выполнить работу скорби по своему детству и чувствуют себя раздираемыми между желанием быть матерью и желанием остаться ребенком собственной матери»¹.

Но эта конфликтная конфигурация не обязательно задействована в детоубийстве. Ничто не указывает на то, что ребенок инвестируется. Все происходит так, будто то, чего требует женщина, – это аннулирование акта, давшего жизнь новорожденному, и подтверждение своей невинности не в смысле нетронутости девственной пле-

1 P. Racamier, in *Mère mortifère, mère mortifiée*, ESF, 1978.

вы, а в смысле преступного коитуса, которого как будто не было; а также матки, которая должна была бы избежать появления этого злокачественного нароста, который обнаружится при родах, раскроется другим, в первую очередь, ей самой. Вопрос даже не в том, чтобы сослаться на сексуальное соединение, как при бредовой конструкции, когда на ребенка перекладывается забота обнаружить свое происхождение через преемственность. Речь идет об отрицании первосцены. Как будто никак не удастся привести в сознание этот первичный момент, момент оплодотворения, зарождения жизни, в который ребенок вписывается в линию поколений, когда все вокруг участвует в стирании его из памяти. Эта женщина хочет скрыть именно свою способность зачать и рожать. Она стремится аннулировать даже первосцену, подменяя ее репрезентацией, согласно которой остается нетронутым «прежний образ».

Кстати, это одна из причин, не позволяющих уподоблять поведение детоубийц поведению женщин, делающих аборт. В этих последних случаях беременность признается, и лишь потенциальная реальность ребенка объясняет этот терапевтический акт в виде аборта. Аборт предполагает признание утробного плода в себе, следовательно, признает зачатие, какова бы ни была личная мифология первосцены. Но детоубийство не предполагает этого.

ИНЦЕСТУОЗНЫЕ ФАНТАЗМЫ, АРХАИЧЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ОТРОЧЕСТВО

Это одно из событий, способных вызвать такое сильное оцепенение, что может лишиться дара речи аналитика в случае, когда он не склонен рассуждать и стро-

ить теоретические конструкции, которые со временем, возможно, внесут свою лепту в очертание сооружения, способного проводить эффективное терапевтическое воздействие (конструкции самоубийства или глубокой патологии грудного ребенка). Понимание этих клинических ситуаций в конечном итоге раскрывает лишь способ, которым можно отвлеченно размышлять на принятых теоретических основаниях. В нашем распоряжении лишь сообщения тех, кто говорит. И мы располагаем лишь поступками тех, кто не в состоянии говорить. А если эти воплощенные в действие симптомы приводят к смерти, мы не можем, конечно, не попытаться понять причины этих критических ситуаций, потому что понять – значит попытаться справиться.

Те данные, которыми мы располагаем в клинике детоубийства, носят формальный характер. До настоящего времени ничто не помогло нам понять глубинную бессознательную структуру этих женщин, убивающих своих новорожденных детей. Отсутствие символизации, тип защитных механизмов, статус, которым обладает объект, не свидетельствуют об эдиповой проблематике. Несмотря на это, необходимо еще раз напомнить, что нарциссические формирования не могут заручиться моделью развития, независимой от направленных на объект влечений, и то, что находится в центре Я и чувства существования, которое оно предполагает, всегда более или менее вплетено в объект, будь он реальным или относящимся к фантазму. В этом смысле, если влечения переполняют, то отказ воспринимать ребенка в себе и тот факт, что он был убит, происходит через движение, стремящееся поддерживать единство и связанность Я, хотя это не исключает того, что создающие его детерминанты могут быть объектного происхождения.

Мне хотелось бы попытаться обратиться к проблеме детоубийства в рамках клиники периода отрочества, клиники, сталкивающейся с преходящими защитными стратегиями (последствия которых иногда, к сожалению, необратимы), часто организованными вокруг первертного сценария, в котором отрицание и расщепление поставлены на службу сохранения инфантильного всемогущества и иллюзии об инцестуозном обетовании. Короче говоря, убийство новорожденного младенца означает убийство пубертатных модификаций и психических трансформаций, на которые обрекает отрочество. Это имеет отношение к тому, что мы смогли узнать о суицидах подростков, начиная с неудавшихся попыток, которые служат нам образцом. Суицидальный акт является убийством сексуального тела, тела с половыми признаками, и родительских имаго, которые оно воплощает. Ярость, жестокость суицидального импульса являются последствиями массивной тревоги, связанной с необходимостью отказа от инцестуозной иллюзии и в то же время от очевидного факта, что приобретение сексуальности необратимо. По причине хрупкости Я обсуждение своего состояния с эдиповыми объектами представляется им весьма опасным. Генитальные репрезентации делают невыносимой репрезентацию сексуального тела родителей и первосцены и невозможным выживание собственного сексуального тела. То, что все вертится вокруг проблем идентификации, соперничества, любовных отношений, которые не могут осуществиться, не мешает тому, чтобы суицидальный акт имел своей конечной целью попытку прекращения всего «этого», иными словами, того, что круто изменяет соматопсихический и нарциссическо-либидинальный гомеостаз, допускаемый инфантильной сексуальностью и потрясенный пубертатом. Если верить словам остав-

шихся в живых, прошедших через это испытание, их поступок не объяснялся желанием умереть. Скорее витает идея, что совершенный поступок должен был положить конец страданию и вернуть их в другую, «прежнюю» реальность. Суицидальный акт, равно как и детоубийство, свидетельствует не о скрытой специфической структуре, а об использовании защитной стратегии, чья функциональность допускается поговоркой «Мне это очень хорошо известно, но вопреки всему».

Беременность раскрывает генитальность и еще больше напрягает защитные механизмы, востребованные прежде только для того, чтобы обойти ее молчанием. С одной стороны, женщина-детоубийца игнорирует изменения собственного тела, кстати, соучастника, и устанавливает собственные защитные механизмы для управления ситуацией; с другой стороны, она позволяет себе поддерживать отношения с родительскими образами раннего детства – «как прежде». Отрицание и расщепление, они не чужды воскрешению первертного сценария, в котором чувство собственного существования как бы обретает свой смысл лишь ценою сохранения иллюзии оставаться материнским фаллосом. Родительские образы напоминают в итоге об идеализированных в своем страдании матерей и об отцах, обесцененных ввиду их принадлежности к мужскому полу, даже если они иногда и извлекают определенную выгоду из своего социального статуса.

Моя гипотеза состоит в том, что акт убийства говорит о невозможности отказа от собственного детства и от иллюзии инцестуозной перспективы. В конце концов речь идет не о том, что женщина становится матерью, а о том, что младенец может стать субъектом. Здесь имеется в виду невозможность включения в процесс материнства или в процесс первичного материнского ух-

да. Матери-детоубийцы, отрицающие существование ребенка до такой степени, что, убивая, ликвидируя его, желают защитить свои предыдущие объекты любви и сохранить и в дальнейшем вероятность общения с имago раннего детства. Только так они способны избежать риска убийства самих себя. Жестокость акта убийства свидетельствует о разрушительной ненависти, которую они носят в себе и которая таким образом находит выражение. Все происходит так, будто эти женщины создают чудодейственный выход из депрессии или из декомпенсации идентификации, которую она вызывает, ценой сценария, аннулирующего вероятные последствия генитальной жизни.

Женщина, которая родила недоношенного ребенка, перенесшего во время родов кровоизлияние в мозг, призналась мне, что, когда ей сообщили, что этот ребенок не будет нормально развиваться, она подумала: «Я выкину его в туалет и забуду об этом». Желание детоубийства говорило о страдании, выраженном много лет спустя (когда ее сыну исполнилось 13 лет), что «она не смогла сделать, как остальные, стыдилась держать в доме овощ, ребенка такого необычного, что люди смотрели на него, как на монстра». В своих ассоциациях она говорила о первых месяцах своей беременности, о том, что это не мешало ей ежедневно выходить на работу и выполнять все свои обязанности, «будто и не была беременной». Она думала, что она не такая, как все. Затем она подумала, что ее гормональная система «сыграла с ней злую шутку», вызвав у нее преждевременные роды. Это была суровая женщина, лишенная женственности (несмотря на то, что она чрезмерно заботилась о своей внешности), которая выражала свое презрение к «женщинам, слишком ухаживающих за собой», как и к «женщинам, у которых нормальные дети», счи-

тая их докучливыми (особенно когда они «занимали» ее место на стоянке, предназначенной для инвалидов, и тогда она давала волю гневу, кипевшему в ней); она громко и во всеуслышание утверждала, что отцы детей-инвалидов лишь пассивные участники и что только матери умеют ухаживать за этими детьми. Тот факт, что наши встречи продолжились, помог мне обнаружить стойкость ее инцестуозной любви, несмотря на то, что время этой любви прошло, а также возврат на стадии беременности чувства стыда из-за «обязанности заняться этим, чтобы родить ребенка» (о сексуальных отношениях).

Я думаю, что некоторые непредвиденные обстоятельства беременности больше связаны с убийством младенцев, чем с убийством детей более старшего возраста, с которыми их обычно сравнивают.

Еще я думаю, что, хотя у нас в распоряжении есть только формальные элементы (симптомы, защиты) и лишь интуитивные догадки о бессознательной скрытой структуре, речь здесь идет о необходимости сохранения, прежде всего, объектных отношений с родителями в раннем детстве, в кошмарной, смертоносной первопене. Насилие и варварская агрессивность, применяемые к ребенку, фактически предназначены смертоносной матери, прячущейся за образом святой женщины, убитой повседневными заботами. Они делают последнюю попытку вновь обрести эдипову связь с идеализированным отцом (бесспорно, расщепленным). Мать-детоубийца разыгрывает последнюю карту в последнем акте своей трагедии, в попытке вновь обрести обетованное инцеста, выявленного генитальностью и пробитой ею брешью. Все это заставляет нас думать, что зачастую избежать психоза можно лишь ценой смерти (а иногда самоубийства).

Научное издание
Серия «Библиотека психоанализа»

Жак Андре
Анни Бир
Моник Бидловски
Моник Курню-Жанэн
Андре Грин
Франсуаза Эритье
Натали Зальцман

ИНЦЕСТЫ

Редактор – *В. И. Белопольский*
Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*
Корректор – *О. В. Шапошникова*
Дизайн серии – *П. П. Ефремов*

ИД № 05006 от 07.06.01
Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Сдано в набор 05.01.17. Подписано в печать 13.01.17
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ITC Charter. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 6
Тираж 1000 экз. Заказ .

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpd.ru
(495) 988-63-76, т/ф.: (496) 726-54-10

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОАНАЛИЗА НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ объявляет постоянный набор студентов по учебным программам:

- «Теория и техника современного психоанализа», срок обучения 2,5 года;
- «Основы современной психоаналитической психосоматики», срок обучения 2 года;
- «Современные техники психологической коррекции», срок обучения 1 год.

Для жителей всех городов России и других стран Институт организовал дистанционное обучение. Подключайтесь! Стоимость одного года обучения 46 000 руб.

Наш институт тесно сотрудничает с французской психосоматической школой и Международной психосоматической ассоциацией им. П. Марти.

- Только в наш институт постоянно приезжают тренинг-аналитики Международной Психосоматической Ассоциации им. П. Марти, лучшие специалисты в области психоаналитической психосоматики для проведения лекций и семинаров.
- Только студентам нашего института предоставляется уникальная возможность для постоянных выездов в Париж (с бесплатным синхронным переводом на русский) для дальнейшего профессионального обучения.

Большинство преподавателей института – кандидаты Международной психоаналитической ассоциации от Парижского института психоанализа и кандидаты Международной психосоматической ассоциации им. П. Марти.

Выпускникам оказывается помощь в трудоустройстве!
Сдаются комнаты и аудитории в аренду.

Контактная информация:

Адрес: ст. метро «Чистые пруды», Чистопрудный бульвар, дом 21.

Сайт: www.psychic.ru

E-mail: ego@psychic.ru

Facebook: www.facebook.com/InstitutPsihologiiIPsihoanalizaNaCistyhPrudah

ВКонтакте: vk.com/psychicru

Телефоны: (495) 628-11-71, (495) 625-59-70

Магазин

Психологическая книга

+7 (495) 682 61 02; post@cogito-shop.ru

Книги и инструментарий для психологов:

- ▶ **Для профессионалов**, исследователей и практиков — фундаментальные труды, монографии, энциклопедии, руководства, тренинги, бизнес-психология, бланковые и компьютерные психологические методики.
- ▶ **Для студентов и преподавателей** — учебники, хрестоматии, учебные пособия, словари.
- ▶ **Для родителей и широкой публики** — литература по воспитанию, обучению, саморазвитию, научно-популярные издания

Интернет-магазин cogito-shop.com

Вас приятно удивят:

- ▶ **Низкие цены.**
- ▶ **Простота** оформления заказа.
- ▶ **Доставка в любую точку мира.**
- ▶ **Удобный формат:** бумажные или электронные книги на выбор!

← Эта книга на сайте издателя!

На сайте представлен наиболее полный ассортимент изданий по психологии – более 1500 наименований!
Продукция большинства крупных издательств, а также малотиражные издания университетов и институтов.

Собственный торговый зал Ул. Ярославская 13 к.1 офис 114

Время работы: с 10⁰⁰ до 18⁰⁰;
Торг. зал тел: +7 (495) 682-0100;
Моб. тел.: +7 (965) 340-1905;
E-mail: cogito@bk.ru.